**КОМИТЕТ ПО РАЗВИТИЮ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СВЯЗИ
МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЛАСТНОЕ КАЗЁННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ В Г. КИРОВСКЕ»
(ГОКУ ГАМО в г. Кировске)**

После Октябрьской революции. События и судьбы в истории Кольского Севера 1-ой половины XX века

К 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции

Материалы научно-практической конференции

20 октября 2017 г.
г. Кировск

г. Кировск
2017 г.

Составитель – Подгорбунская Т.И., ведущий архивист отдела научно-справочной и информационной работы государственного архива Мурманской области в г. Кировске

«После Октябрьской революции. События и судьбы в истории Кольского Севера 1-ой половины XX века»
К 100-летию Великой российской революции
Материалы научно-практической конференции . 20 октября 2017 г. – Кировск, 2017

Сборник содержит материалы научно-практической конференции «После Октябрьской революции. События и судьбы в истории Кольского Севера 1-ой половины XX века», прошедшей 20 октября 2017 г. в Музейно-выставочном центре АО «Апатит» в г. Кировске

Конференция организована государственным областным казённым учреждением «Государственный архив Мурманской области в городе Кировске» при участии Комитета по развитию информационных технологий и связи Мурманской области и приурочена к 100-летию Великой российской революции.

В работе конференции приняли участие ученые Кольского научного центра РАН, краеведы, журналисты, архивисты и сотрудники Кировского историко-краеведческого музея.

В сборник включены доклады по истории освоения природных ресурсов Кольского Севера в советский период, о становлении Полярно-альпийского ботанического сада, развитии народного образования в селах Терского берега, забытых лозунгах ушедшей эпохи, сообщения о ярких личностях, оставивших заметный след в истории региона.

Источниковедческая страница конференции была подготовлена Кировскими архивистами на основе документов архивного фонда Кандалакшского волостного исполнительного комитета.

Материалы сборника предназначены для научных работников, преподавателей образовательных учреждений, архивистов, краеведов, студентов, школьников.

Оглавление

События 1-ой половины XX века в истории Мурмана 2

Бусырева Е.В. Судьбы финских колонистов (1920–1940 годы).....2

Гонтарь О.Б. Становление Полярно-альпийского ботанического сада (ПАБСИ) в первой половине 20 века 9

Хабибуллина Л.Г. Первые шаги на пути к народному образованию в селах Терского берега.....14

Тараракcин С.В. К вопросу о статистике.....17

Красоткин И.С. Забытые лозунги ушедшей эпохи. Из истории сфеновой обогатительной фабрики комбината «Апатит».....21

Котляренко П.Е. Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) и начало освоения Хибин 24

Макарова Е.И., Петров В.П., Токарев А.Д. Советский опыт научного сопровождения освоения природных ресурсов Кольского Севера в 1-й половине XX века.....30

Пивоварова Т.В. Информационное значение документов архивного фонда Кандалакшского волисполкома 36

Саморукова А.Г. Научно-просветительская деятельность Северного филиала Географического общества СССР: К 70-летию образования 40

Иванова М.В., Пация Е.Я., Шабалина О.В. Влияние социально-политических трансформаций конца XIX – первой половины XX вв. на традиционное домохозяйство Кольского полуострова.....45

Личности и их судьбы в истории Мурмана 50

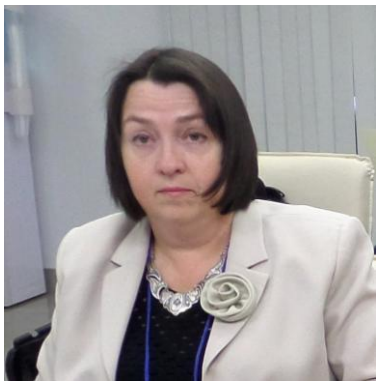
Дюжилов С.А. Англичане на белом Мурмане. (К вопросу о "Мурманском следе" в биографии Э.Г. Шеклтона).....50

Чепурин Н.Н. Роль личности С.М. Кирова в промышленном освоении Севера 56

Аомазова А.В. Василий Кондратьевич Алымов. Штрихи к портрету краеведа. (По документам Государственного архива Мурманской области) 61

Мазуренко Е.С. Евдокия Ивановна Потапова – первая женщина-секретарь Хибиногорского городского совета.....64

События 1-ой половины XX века в истории Мурмана



Бусырева Елена Владиславовна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем (ЦГП) Кольского научного центра Российской академии наук, г. Апатиты

Судьбы финских колонистов (1920–1940 годы)

Объектом исследования являются финские колонисты, потомки которых проживают на территории Мурманской области. К финским колонистам относятся финны, миграция которых на территорию Кольского Севера началась во второй половине XIX в.

Предмет исследования – история финских колонистов в двадцатых-сороковых годах XX в.

Основу исследования составили интервью и материалы из семейных архивов информантов.

История колонизации Кольского полуострова хорошо известна и отражена в работах И.Ф. Ушакова, А.А. Киселева, Е.А. Ореховой, А.Ю. Юрченко. Однако историки отдавали приоритет в изучении иностранной колонизации Мурмана норвежской колонизации, хотя норвежские колонисты далеко не самая крупная этническая группа переселенцев на территорию края. Финские колонисты основали поселения на западном побережье Мурмана, вдоль Кольского залива, а также в районе Ёны и в бассейне реки Тулома. Это были выходцы из северных районов Финляндии, преимущественно из Улеаборгской губернии. Так, дед информанта А.М. – уроженец Каяани Улеаборгской губернии [СА], предки информанта В.С. – выходцы из Соданкюля [СА].

Предки информантов обосновались в колониях Ура-губа, Сайда-губа, Ваенга, Белокаменка, Озерко, Титовка, Чалмпушка, Грязная Губа, Пумманки, Ёна. Село Ёна образовалось в 1840 г. из пришлых финнов и саамов Бабинского погоста [Географический словарь Кольского полуострова, 1939: 32]. К потомкам этих финнов относятся семьи информантов В.С., О.Т. и С.У.

Прабабушка и прадед информанта В.С. были в числе основателей колонии Ура-Губа (возникла в 1864 г.), о чем свидетельствуют опубликованные данные метрических книг, изданные в Финляндии [Onella, 1973: 107]. Фамилия предков информанта по материнской линии упоминается в «Материалах по статистическому исследованию Мурмана» [Материалы, 1902: 233–234]. Предки информанта по отцовской линии – колонисты Титовки

и Ваенги. Бабушка информанта вышла замуж за переселенца из Куусамо. Их дочь, мать информанта, вышла замуж за финского колониста, семья которого мигрировала в Грязную Губу на рубеже XIX–XX веков. Это поселение возникло в 1893 г. как финская колония, с 1954 г. – пос. Сафоново, штаб ВВС СФ.

Предки информанта В.Л. также перебрались на западное побережье Мурмана еще в конце XIX в. Прабабушка информанта родилась в становище Белокаменка. Она вышла замуж за уроженца Улеаборга, который в 1915 г. переехал в Белокаменку [СА]. Это была большая колония, основанная в 1895 г. [Золотарев, 1930: 19]. Бабушка информанта родилась в Чалмпушке [СА].

Дед информанта Ю.С. родился в Сайда-губе [Книга памяти, 1997: 312; СА].

Бабушка по отцовской линии информанта Г.Л. родилась на Рыбачьем: «*Пумманки поселок назывался или Земляная. Это был финский поселок. А её родители приехали из Куусамо из-за голода в Финляндии*».

Бабушка и дедушка информанта Г.К. из колонии Озерко [СА]. Дед родился в 1891 г. [Ленинградский мартиролог. URL: https://visz.nlr.ru]: «*Мама говорила, что они все занимались рыбной ловлей, все вместе выходили в Мотовский залив*».

Рыбный промысел и охота были основными занятиями финнов [Финские переселенцы, 2003: 522–523].

На западе области (как и в Финляндии) преобладал хуторской тип поселения, хутора располагались на расстоянии 1,5–2 км друг от друга [Финские переселенцы, 2003: 523]. Хуторской характер финских поселений отмечала и Н.В. Воленс: «Финские поселения растянуты, каждая усадьба окружена своими, чаще всего огороженными, сенокосами» [Воленс, 1926: 21]. Такое расселение сохранялось до коллективизации: «*Они все жили в одном месте, но у каждого был свой дом, когда ребята стали взрослыми. Хуторского типа*» (Т.Х.).

Финны жили на Мурмане обособленно, своими национальными общинами [Финские переселенцы, 2003: 522–523], что подтверждается сведениями, полученными от информантов: «*Финны жили на одном берегу речки, а саамы на другом*» (В.С.).

После революционных событий 1917 г. большинство финских колонистов остались на Кольском полуострове [Такала, 2010: 25]. В 1918 г. некоторые финны, поддерживавшие советскую власть, вынуждены были эмигрировать в РСФСР из маннергеймовской Финляндии после поражения там социалистической революции [Киселев, 2009: 68]. В конце января 1918 г. в Финляндии началась война между красными и белыми. Под контролем белых финнов оказалась центральная и северная часть страны, то есть Кольский край граничил с районами Финляндии, контролируемыми белофиннами [Герасимов, 2003: 12]. Большевики, не дожидаясь окончания вооруженной борьбы, 1 марта 1918 г. заключили мирный договор с Финляндской социалистической рабочей республикой (на очень выгодных для финнов условиях) в качестве основы для дальнейшего развития добрососедских отношений. В частности, Печенга без каких-либо компенсаций переходила в состав Финляндии, как того потребовала на переговорах финская делегация [Холодковский, 1967: 142–146]. Печенгский вопрос разрешился заключением между Советской Россией и Финляндией мирного договора в Тарту 14 октября 1920 г. Советская сторона по настоянию Ленина уступила Печенгу вместе с ее территориальными водами [Логинова, 2003: 9]. Присоединение части района Печенги и половина полуострова Рыбачий к Финляндии в 1920 г. произошло, в частности, из-за того, что на этой территории проживало большое количество финнов-колонистов, и финляндское правительство настаивало на этом.

Именно в эти годы представители семей информантов Т.Х., А.М. и Г.Л. перебрались на Кольский полуостров: «*Папа в революцию, в период Гражданской войны частенько переправлял революционеров через границу, как бы был проводником. Он ведь был профессиональным охотником*» (Т.Х.). «*Дед где-то в начале 20-х годов по призыву Ленина уехал из Финляндии*» (А.М.). «*Дед и его товарищи ушли из Финляндии из-за того, что лахтари насильно вербовали людей в свои отряды, плюс еще голод*» (Г.Л.).

В тот период между РСФСР и Финляндией до установления постоянной границы существовала демаркационная линия. Стоит отметить, что перейти ее хоть с российской стороны, хоть с финской не представляло особой трудности. И местные жители пользовались этим [Бусырева, 2010: 87].

В начале 1920-х гг. переселение с территории Финляндии прекратилось. Финские колонисты, сохранив свои культурные и национальные особенности, успешно вписались в советскую систему и демонстрировали полную лояльность. Несмотря на это обстоятельство и декларируемый интернационализм, власти не избавились от традиционно подозрительного отношения к иностранным колонистам [Орехова, 2008].

При участии «красных» финнов создавались национальные животноводческие и рыболовецкие коммуны и артели, как на побережье Западного Мурмана, так и в Княжой Губе [Шлыгина, 1994: 371]. Правда, Княжая Губа вошла в состав Мурманской области в 1938 г. В 1923 г. в рыболовецкой артели на Падуне работали братья отца Т.Х., артель занималась ловлей семги [Локко, 1993: 278].

В 1930 г. Президиум ВЦИК принял решение о создании национальных административно-территориальных единиц в районах компактного проживания национальных меньшинств. В Мурманском округе был образован национальный финский район – Александровский. Вся документация велась на финском языке, были открыты финские школы. В районе национальными финскими сельсоветами были утверждены Белокаменский, Грязно-Губский, Западно-Лицкий, Озерковский, Тюва-Губский и Ура-Губский сельсоветы [ГАМО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 231, ЛЛ. 41, 136, 146]. Согласно выписке из протокола Александровского районного съезда Советов от 12 января 1931 г., было принято решение: «Переименовать город Александровск в село Полярное, а район в Полярный» [ГАМО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 372. ЛЛ. 32, 61, 66-67]. Постановлением Президиума Ленинградского облисполкома от 11 марта 1931 г. Александровский район был переименован в Полярный район, райцентр с. Александровское – в с. Полярное [Административно-территориальное деление, 1995: 103]. Около 500 финнов жили в Нотозерском и в Иона–Бабинском сельсоветах [ГАМО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 372. Л. 48].

В начале 1930-х гг. в Мурманском крае проходила коллективизация. Так, в Нотозерском сельсовете было создано два колхоза – оленеводческий и рыболовецкий, в которых работали братья отца информанта Т.Х. Согласно архивным данным, на 1 января 1932 г. были организованы финские колхозы: «Юркин» (животноводческий и рыболовный), «Тулома» (животноводческий), Ионский (озерное рыболовство), Ниванкюля (животноводческий и рыболовный) [ГОКУ ГАМО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 372. Л. 52]. В колхозе «Тулома» с 13 лет начал работать пастухом отец информанта Г.Л.

В 1931 г. в Ёне был создан рыболовецкий и оленеводческий колхоз [Географический словарь Кольского полуострова, 1939: 32]. Первым председателем назначили финна, деда информанта О.Т.

Что касается процесса раскулачивания, то он не коснулся семей информантов, поскольку они не имели зажиточных хозяйств. После объединения в колхозы часть финнов стала уходить в города или леспромхозы.

В тридцатые годы в связи со строительством военно-морской базы Северного флота финские колонисты подверглись выселению. Так, ликвидировали рыболовецкий колхоз в Ваенге, председателем которого был дед информанта В.С. Депортировали жителей и колонии Озерко: «*Их всех посадили в бот и повезли на Терский берег в Лев-губу*» (Г.К.).

Октябрьский пленум обкома ВКП(б) 1935 г. положил начало борьбе «с финским буржуазным национализмом». Финские колонисты оказались «шпионами» или осуждались за нелегальный переход границы [Дащинский, 2002: 218]. Финнам были предъявлены обвинения в шпионаже и антисоветской деятельности, наличие связи с заграницей. Финны-иммигранты обвинялись в причастности к диверсионным и контрреволюционным организациям, работавшим по заданию финского генштаба с целью отторжения северо-западных территорий России и присоединения их к Финляндии [Шлыгина, 1994: 372].

Негативное отношение к финнам было вызвано ухудшением советско-финляндских отношений. Такая ситуация сложилась из-за дружественных отношений между правительством Финляндии и правительством фашистской Германии. Кроме того, для советского правительства планы финляндского правительства о создании Великой Финляндии не были секретом. На Кольском полуострове были «раскрыты» контрреволюционные организации – «Финская контрреволюционная националистическая шпионско-повстанческая организация» и другие [Савилова, 2008: 140].

Нет сомнений в том, что Финляндия вела разведывательную работу как в районе Петсамо, так и в русской части полуострова Рыбачий. Как и в том, что Советский Союз занимался тем же самым, но в противоположном направлении. Однако практически нет подтверждений тому, что в указанных районах существовала созданная финнами шпионская организация или какая-то группа. Тем более что все, кто был тогда арестован и осужден, на сегодняшний день оправданы, что, собственно, указывает на отсутствие доказательств по обвинениям против них [Йентофт, 2002: 96].

От репрессий 1930-х годов пострадали представители всех семей информантов. Дед (отец отца) информанта В.С. был председателем колхоза «Риенто» («Прибрежный») в пос. Ваенга. Осужден в 1932 г. по ст. 58-7-10 УК Тройкой ОГПУ Ленинградского военного округа на 5 лет ИТЛ [Книга памяти, 1997: 294].

Дед информанта Ю.С., кандидат в члены ВКП(б) в 1932–1937 гг., работал зав. районо. Опасаясь ареста, ушел с должности и устроился рыбаком в колхоз «Похьян тяхти» («Северная звезда») с. Белокаменка Полярного района. Старший брат деда, который работал инструктором Полярного райкома ВКП(б), так же, как и брат, перед арестом устроился рыбаком в тот же колхоз. Но это их не спасло. В соответствии с обвинениями братьев приговорили к высшей мере наказания. Оба были расстреляны в один день, реабилитированы в 1957 г. [СА].

Дед с 1922 г. по 1926 г. учился в Ленинградском отделении комуниверситета национальных меньшинств Запада им. Мархлевского. Учебное заведение Коминтерна Университет готовил политические кадры из представителей западных национальностей, населяющих СССР. В 1936 г. был ликвидирован.

Братья прабабушки информанта В.Л., рыбаки колхоза «Похьян тяхти» («Северная звезда») с. Белокаменка, были арестованы в 1937 г. по ст.58-7-10 УК [Книга памяти: Рос. Федерация, 1997: 141]. Отец бабушки арестован в 1938 г. за шпионскую деятельность по ст. 58-6-11 УК. Через десять месяцев его отпустили «за недостаточностью улик» [СА].

Дед информанта Г.К. в декабре 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян в Ленинграде [Ленинградский мартиролог. URL: https://visz.nlr.ru].

Особенно пострадали финские переселенцы, которые после революции нелегально перешли границу. В их числе представители семей Т.Х., А.М, Г.Л. От репрессий 1930-х гг. пострадали отец Т.Х. и его четыре брата. Один из братьев работал инструктором в райисполкоме г. Мурманска. Остальные были охотниками, рыболовами и лесорубами. Из пяти братьев двое получили высшую меру наказания, трое осуждены на 5–10 лет лагерей [Книга памяти, 1997: 350]. Отец Т.Х. отбывал наказание в Унжлаге «п/я 242» в Горьковской области [История НКВД. ГУЛАГ. URL: https://meno.ru>history/nkvd/gulag].

Дед информанта А.М., рыбак колхоза «Коммунар», был осужден Тройкой НКВД за шпионаж и расстрелян [СА; Книга памяти, 1997: 176].

Дед информанта Г.Л. – колхозник колхоза «Тулома». Осужден Тройкой УНКВД по Мурманской области в 1938 г. по ст. 58-6 УК к ВМН [Книга памяти, 1997: 189]. По поводу обвинения репрессированных финнов в шпионаже Маннергейм заявил, что «бюджет Финляндии не смог бы обеспечить средствами такую массу агентуры» [Киселев, 2004: 10].

26 июня 1940 г. бюро Мурманского обкома ВКП(б) приняло Постановление о переселении семей инонационалов с Кольского полуострова в Карелию. Депортация проводилась по команде из Москвы и преследовала цель «очищения приграничной территории от инонационалов как питательной среды для шпионажа и иностранной

разведки» [Киселев, 2009: 74]. По организациям рассылались письма с грифом «секретно» с просьбой предоставить списки инонациональных сотрудников, которые подлежали депортации по национальному признаку. Выселению из Мурманской области подлежали практически все финны. Данной участи избежали женщины-финки, которые были замужем за русскими (например, старшая сестра отца информанта Г.Л.). Исключение представляет судьба старшей сестры матери информанта Г.К. Первое выселение жителей становища Озерко ее не коснулось: «*Она вышла замуж за приезжего русского. Когда жителей деревни вывозили на Терский берег, ее не тронули*». Однако в дальнейшем ее вместе с двумя детьми депортировали в Коми. Дети умерли по дороге, сама тетя умерла в эвакуации в Коми. Муж был мобилизован. О дальнейшей его судьбе ничего неизвестно. Возможно, выселение связано с тем, что семья проживала в приграничной полосе.

В 1941–1942 гг. в связи с военными действиями на территории Карело-Финской ССР финские семьи были эвакуированы подальше от границы в тыловые области СССР, преимущественно в Архангельскую область и в Коми АССР.

В конце 1930-х гг. мать информанта Г.К. сбежала из Левгубы, сестрам тоже предлагала поехать с ней, но те отказались. Она добралась на подводе до Кандалакши, а там села в поезд. В поезде познакомилась с карелом, который предложил ей выйти за него замуж, и она согласилась (пожалуй, это был наиболее оптимальный для нее вариант в данной ситуации). Так мать информанта оказалась в лесопункте Восточная губа (около пос. Зашеек). Как-то бабушка до войны приезжала к ней познакомиться с зятем. Дальнейшая судьба бабушки неизвестна. Когда началась война, первого мужа матери демобилизовали и он погиб в районе Алакуртти. Мать, как и все женщины поселка, работала на лесозаготовках. В 1940 г. сестер матери и дочь одной из них эвакуировали как инонационалов в Карелию. Дальнейшая судьба их неизвестна.

Семью информанта В.С. (два деда, мать, информант и два ее старших брата) отправили сначала в Карелию, а потом в Архангельскую область. Один дед, бывший председатель колхоза в Ваенге, по дороге в Архангельскую область умер от голода. Мать в 1943 г. утонула. После гибели матери детей отдали в детский дом в Архангельской области. Где находился отец во время войны, информанту неизвестно: «*У нас дома никогда об этом не говорили. Папа после войны нас забрал и привез в Мурманск*».

Первая семья отца информанта Т.Х. (жена – саами и трое детей) погибла в эвакуации в Коми АССР.

Семья информанта В.Л. также была выслана в Карелию. Старший брат бабушки в самом начале сентября 1941 г. пропал без вести. Младший брат бабушки в апреле 1942 г. был призван в армию. Тогда же в составе разведгруппы направлен в Заонежский район. Пропал без вести [СА].

Летом 1940 г. бабушку и отца информанта Г.Л. депортировали в Заонежский район Карелии. Потом в Архангельскую область. Осенью 1942 г. отца информанта отправляют в Челябинский ГУЛАГ на строительство металлургического комбината. Начиная с 1942 г. существовала система трудовой мобилизации по национальному признаку [Вавулинская, 2013: 3]. В связи с этим было принято Постановление ГКО № 2409сс от 14 октября 1942 г. о мобилизации в рабочие колонны НКВД граждан национальностей воюющих с СССР стран (мужчин, годных к труду, в возрасте от 17 до 50 лет) [По решению правительства, 2013: 360]. В 1946 г. отца освободят из лагеря.

Бабушка информанта Ю.С. оказалась в эвакуации в Архангельской области. Потом попала в больницу. Сыновей оставила своей сестре (тоже уроженке Белокаменки). Племянники прожили у нее приблизительно год. Потом тетя в Котласе сдала детей в детский приемник [СА]. Причина такого поступка, скорее всего, в том, что тете нечем было кормить детей. Бабушка информанта оказалась на лесоповале под Медвежьегорском, затем в Чупе: «*Отец после войны где-то в 49-м году нашел бабушку в Чупе. Как-то через Белокаменку, тетка у нас там какая-то была, работала на почте. И вот через нее узнали, что она там, в Чупе*».

Была выселена по национальному признаку из Ёны семья родного брата бабушки информанта С.У. Бабушку депортация не коснулась, так как она была замужем за саамом.

Не коснулась депортация и деда информанта О.Т. Как она сообщила в интервью: «*Из финнов не забрали только моего деда. Может его спасло то, что он был коммунистом и председателем колхоза?*». По всей видимости, он был необходим властям. Дед свободно владел финским языком. Во время войны находился в партизанском отряде, совершал разведывательные рейды вглубь Финляндии. Инвалид войны.

Выселение финнов отразилось на хозяйственной деятельности многих колхозов, организаций. Подводя итог, можно сказать, что судьба финских колонистов сложилась трагически. Трагичнее, чем судьба ингерманландских финнов. По некоторым данным в сталинские годы было уничтожено почти 90% мурманских финнов [Локко, 1993: 306]. Финская община, существовавшая с 1860-х гг., фактически распалась.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Семейные архивы информантов [СА] В.С. (1939 г.р.), Г.К. (1949 г.р.), Т.Х. (1950 г.р.), А.М. (1955 г.р.), О.Т. (1959 г.р.), Ю.С. (1964 г.р.), С.У. (1965 г.р.), В.Л. (1980 г.р.).

Государственный архив Мурманской области в г. Мурманске (ГОКУ ГАМО)

Ф. Р–162. Мурманский окружной Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и рыбацких депутатов и его исполнительный комитет Мурманского округа Ленинградской области, г. Мурманск, 1 августа 1927 г. – 28 мая 1938 г. *Оп. 1. Д. 231, ЛЛ. 41, 136, 146; Д. 372, ЛЛ. 32, 48, 52, 61, 66–67.*

Административно-территориальное деление Мурманской области (1920–1993 гг.): Справочник. Мурманск: Архивный отдел администрации Мурманской обл., 1995. 276 с.

Бусырева Е.В. История и память современных кольских семей с финской родословной // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2010. С. 79–93.

Вавулинская Л.И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940–х – середине 1950–х гг. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 337 с.

Воленс Н.В. Колонисты Мурмана и их хозяйство: Материалы статистико-экономического исследования 1921–1922 гг. М., 1926. 112 с. (Труды НИИ по изучению Севера (бывшая Северная Научно-Промысловая Экспедиция).

Географический словарь Кольского полуострова. Т. 1 / Мурманский филиал географо-экономического науч.-исслед. ин-та Ленинградского гос. у-та. Ленинград, 1939. 144 с.

Герасимов Д.А. Вопрос о финской угрозе в политике мурманских властей в первой половине 1918 года // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 2003. № 3 (История и право). С. 11–16.

Дащинский С.Н. Не делать из истории политику // Расстрелянная семья. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 2002. С. 214–222.

Золотарев Д.А. На Северо-Западном побережье Мурмана летом 1928 г. // Кольский сборник / Материалы Комиссии экспедиционных исследований, Вып. 23. Л.: изд-во АН, 1930 С. 1–21.

Йентофт М. Оставшиеся без родины: История Кольских норвежцев. Мурманск: Рекламная полиграфия, 2002. 240 с.

Киселев А.А. Барон Маннергейм в истории Северной Европы первой половины XX века // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 2004. № 6 (История и право). С. 5–21.

Киселев А.А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск: МГПУ, 2009. 145 с.

Книга памяти жертв политических репрессий (1920–1950-е гг.): РФ, Мурманская обл. Мурманск, 1997. 412 с.

Логинова О.Ю. Печенга в 1917–1920 годах // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 2003. № 3 (История и право). С. 5–10.

Локко С.П. Финны на Мурмане. Мурманск: Фонд культуры, 1993. 409 с.

Материалы по статистическому исследованию Мурмана. Т. II. Вып. 1. Описание колоний Восточного берега и Кольской губы. СПб. 1902. 240 с.

Орехова Е.А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX – первой трети XX вв.: автореферат дис. канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2008.

«По решению правительства Союза ССР…» / Сост. Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. 927 с.

Савилова С. «Хотелось бы всех поименно назвать» // Культурологический альманах АСТЭС. Вып. 5. Мурманск: АСТЭС, 2008. С. 130–149.

Такала И.Р. Финский язык в Карелии: история и судьба // Российские финны: вчера, сегодня, завтра. Сборник статей, посвященный 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 24–41.

Финские переселенцы в Карелии и на Кольском полуострове // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 522–554.

Холодковский В.М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М.: Наука, 1967. 387 с.

Шлыгина Н.В. Финны // Народы России. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 370–373.

История НКВД. ГУЛАГ. URL: https://meno.ru>history/nkvd/gulag.

Электронная книга Памяти. Ленинградский мартиролог. URL: https://visz.nlr.ru.

Onella S. Muurmannin rannan luterilaiset. v. 1887–1888 // Skripta Historica.III. Oulu. 1973. P. 55–114.

Гонтарь Оксана Борисовна – кандидат биологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, зав. лаборатории Экотерапии и образовательных программ Федерального государственного бюджетного учреждения науки Полярно-альпийский ботанический сад-институт им. Н.А.Аврорина Кольского научного центра Российской академии наук. Н.А.Аврорина Кольского научного центра Российской академии наук. gontar_ob@mail.ru

Становление Полярно-альпийского ботанического сада (ПАБСИ) в первой половине 20 века

В 1930-1931 гг. в Хибинах работала комплексная Кольская экспедиция, в составе которой был ботанический отряд. Результатом этой работы стала идея о создании в Хибинах полярно-альпийского ботанического сада. 26 августа 1931 г. прошло совещание руководителей исследовательских отрядов, работавших в Хибинах, под председательством акад. А.Е. Ферсмана, на котором идея создания сада в Хибинах была одобрена и Н.А. Аврорину (руководителю ботанического отряда в 1931 г.) было предложено «…составить докладную записку и смету на 1932 г. на организацию сада» (Аврорин, 1931). Именно эта дата считается днем рождения Полярно-альпийского ботанического сада.

12 сентября 1931 г. Хибиногорский горсовет по согласованию с трестом «Апатит» постановил отвести участок земли около 1200 гектар в распоряжение Академии Наук для организации ботанического сада и заповедника при нем.

3 октября 1931 г. Николай Александрович Аврорин – будущий первый директор Сада – сделал доклад на заседании Биологической группы Академии Наук СССР, на основании которого было вынесено решение о создании Хибинского ботанического сада «в том разрезе деятельности, который с самого начала проводился автором – с упором на хозяйственное освоение дикой растительности Крайнего Севера». Этот доклад был в последствии оформлен в виде брошюры «Полярно-альпийский ботанический сад в Хибинах (проект)» и, издан в Ленинграде в издательстве Академии наук СССР в декабре 1931 г. тиражом 2000 экземпляров.

В Проекте Н.А. Аврорин писал, что «…Хибинский ботанический сад должен собирать и изучать в первую очередь полярную и альпийскую растительность и флору, а затем и мерзлотные. …Кроме участия в работе по созданию полярного сельского хозяйства, сад должен будет содействовать развитию зеленых насаждений в полярных поселениях и лесокультурным работам. Это содействие выразится в акклиматизации древесных пород из других полярных, альпийских и мерзлотных районов, а также кустарников и трав. Вопрос создания декоративного садоводства никак не может пройти мимо сада. В этом отношении сад будет полезен и как рассадник и как постоянный консультант отделов благоустройства и лесхозов…. Но культурное значение сада не ограничится только эстетической стороной: на его коллекциях в парке и в музее должна вестись культурная, научно-популяризаторская работа с рабочими экскурсиями, туристами и школьниками». (Аврорин, 1931).

Следуя указаниям А.Е. Ферсмана, Аврориным был составлен подробный план работы на первые два года и расписана структура Сада. Привожу их в авторской редакции целиком:

ПЛАН РАБОТ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛЯРНОГО БОТАНИЧЕСКОГО САДА ПРИ ГОРНОЙ СТАНЦИИ АКАДЕМИИ НАУК на 1931/32 год

1) Дорожные работы (мост и ветка дороги) - к 1 VI 1932 г.

2) Постройка жилых и рабочих помещений, а также двух сторожек и первоначальное оборудование их-— к 1 VI 1932 г.

3) Топографическая и геоботаническая съемка и разбивка территории сада - к 1 VII 1932 г.

4) Выделение дубликатов полярно-альпийской флоры из гербариев различных учреждений - зима 1931/32 г.

5) Подбор литературы и закупка ее - зима 1931/32 г.

6) Подбор и закупка научного оборудования - зима 1931/32 г.

7) Выписка семян селекционных сортов северных ягодников из заграницы - зима 1931/32 г.

8) Издание брошюры о саде - зима 1931/32 г.

9) Налаживание связи с ботаническими учреждениями Союза - зима 1931/32 г.

10) Установление связи с хозяйственными учреждениями, заинтересованными в работе сада - зима 1931/32 г.

11) Подбор сотрудников сада - к 1 VI 1932 г.

12) Ознакомление с организацией родственных учреждений в Ленинграде (Ботанический сад, Парк Л. Т. А., Институт растениеводства и др.) - к 1 VI 1932 г.

13) Командировка заведующего садом в Помологический институт им. Мичурина для ознакомления с постановкой селекционных работ с ягодниками - май 1932 г.

14) Устройство живых коллекций сада (местные виды) - лето 1932 г.

15) Посадка некоторых древесных пород из питомника Л. Т. А. - .лето 1932 г.

16) Заложение селекционных работ с ягодниками - лето 1932 г.

17) Создание гербарного фонда для обмена - лето 1932 г.

СТРУКТУРА И ЗАДАЧИ САДА

Сад должен быть составной частью Горной станции Академии Наук СССР и управляться заведующим, назначенным директором станции. Сад должен содержать следующие части:

I. Гербарий. В нем хранятся коллекции полярных и альпийских растений, ведется определение поступающих сборов и исследовательская работа по морфологии, систематике, происхождению и технологической характеристике каждого вида (химический состав различных частей, технические свойства волокон, пищевое и кормовое качество различных продуктов из данного растения и т. д.). Здесь находится библиотека сада.

II. Парк. В нем находятся живые коллекции полярно-альпийской флоры, расположенные в порядках: а) систематическом (по семействам), б) по условиям местообитания (влаголюбивые, сухолюбы и т. д.), в) по растительным ассоциациям, г) фенологическом (по времени цветения и созревания). В нем, кроме того, как результат технологической работы, постепенно будет накопляться коллекция хозяйственная (ягодники, кормовые, лекарственные, декоративные и т. д.).

III. Питомники растений для селекционных работ, изучения изменчивости, потребности в удобрениях и т. п. наблюдений и опытов, а также для размножения улучшенных сортов полезных дикорастущих.

IV. Отдел споровых растений. Помимо общего изучения споровой флоры полярных стран и высокогорья, важнейшей задачей отдела должно быть изучение развития и размножения ягелей и съедобных грибов и опыты их разведения.

V. Почвенно-геоботанический отдел ведает экспедиционным изучением и картографированием растительности и почв. Совместно с Полярным отделением Института растениеводства организует опытную сеть на геоботанической основе для хозяйственной оценки растительных ассоциаций (для чего и в какой степени пригодно данное угодие). Ведет лабораторное и полевое изучение полярных почв.

VI. Отдел биоценологии, изучающий кормовое значение разных растений для различных животных, и обратно - значение разных животных для растений, как опылителей, распространителей вредителей и т. п. связи полярных растений и животных.

VII. Музей, содержащий технологические коллекции (растения и продукты из них получаемые), модели грибов, биологические группы (растения и их потребители) и т. п. (Аврорин, 1931).

Окрыленный поддержкой доклада на заседании Биологической группы Н.А. Аврорин писал в этой брошюре, что «Полярное отделение Всесоюзного института растениеводства 30 октября с. г. по моему докладу констатировало отсутствие параллелизма в работах Отделения и проектируемого сада и приветствовало организацию последнего и поставленные перед ним задачи. Трест «Апатит» отпустил значительную сумму на расходы по организации сада, а Президиум Мурманского окриспслкома включил в свою смету на 1932 г. субсидию саду. Горячую поддержку проект сада встретил в Карело-Мурманском комитете при Президиуме Ленинградского облисполкома. С величайшей радостью спешу отметить, что и в среде ботаников Ленинграда проект сада с подчеркнутым технологическим уклоном встретил полную поддержку и искреннее сочувствие. Это сочувствие общественных и научных организаций и работников дает уверенность в том, что сад нужен и своевременен и что дружеская товарищеская поддержка ему обеспечена».

А потом начались трудовые будни и первые трудности: «Прошел год с тех пор, как Кольская экспедиция Академии наук СССР и Хибиногорский горсовет обратились с просьбой к Президиуму Академии об организации в Хибиногорске ботанического сада. Октябрьская сессия Академии Наук утвердила проект сада, при условии финансирования его в 1932 году исключительно местными организациями. Зима 1931-32 года прошла для меня, единственного в то время работника Сада, в горячей подготовке к первому летнему сезону. Был заключен договор с трестом «Апатит» на постройку им для Сада дороги и дома к весне 1932 года. Тот же трест отпустил на первоначальные расходы Сада 5000 р. Были поданы докладные записки в ряд заинтересованных учреждений с просьбой средств для Сада. Карело-Мурманский Комитет, Облземуправление, Облплан, Мурманский окрисполком и многие Хибиногорские организации получили их и обещали поддержку. Увязки, согласования, проталкивания и бесконечная беготня из учреждения в учреждение. В результате - много сочувственных резолюций - ни копейки денег не прибавилось к трестовским 5000 р.» (Аврорин, 1932).

За 1931-1932 гг. удалось собрать необходимое научное оборудование и специальную библиотеку, насчитывавшую около 600 томов. Часть книг была передана ведущими ботаниками, часть предоставил Ботанический институт (Ленинград), часть была закуплена на деньги, выделенные трестом. Вместе с Н.А. Аврориным с 1932 года начали работать такие же, как и он, молодые выпускники Ленинградского университета Лариса Боброва (Качурина), Михаил Качурин и Авенир Коровкин. В 1932 г. начались экспедиционные работы в Хибинах: организован ботанический отряд из 3 партий, целью которых было изучение аборигенной флоры, сбор гербария, семян, изучение грибов, геоботанические описания. К окончанию 1932 г. Аврорин с грустью констатировал, что «постройка дома так и не начата до конца октября, несмотря на то, что она была включена в план работ на июль-август. Построена дорога протяженностью около 0,5 км и мост через р. Вудъяврйок». (Аврорин, 1932). Тем не менее, вопреки трудностям, Ботанический сад развивал свою деятельность согласно Проекту.

Лето 1932 года стало началом формирования уникальных коллекций живых растений ПАБСИ. В этот год был заложен первый питомник Полярно-альпийского ботанического Сада. Первыми образцами стали подаренные Ботаническим институтом АН СССР представители 26 видов кустарников и более 50 видов трав. Первоначально они были высажены на небольшие участки, с трудом отвоеванные у леса ((Аврорин, 1932). К осени 1933 г. было 978 экземпляров живых растений. (Боброва, 1934).

В 1933 году в Саду под руководством А.И. Калнина была построена первая теплица и освоено выращивание однолетников и комнатных растений. Александр Иванович пришел в Ботанический сад, имея 23-летний опыт цветовода-практика, и проработал в Полярно-

альпийском ботаническом саду 1933-1940 и 1944–1949 гг. садовником, м.н.с., зав. опытно-производственным цветоводством (сайт ПАБСИ).

В 1933-1935 гг. площадь под питомниками расширялась, и к концу 1935 г. здесь уже было 4 питомника общей площадью 2070 кв. метров. Их называли верхними питомниками в отличие от нижних, расположенных примерно на 20 м ниже. Площадь нижних питомников, занятая посадками подопытных растений, к концу вегетационного периода 1935 г. равнялась 2090 кв. м. (Боброва, 1936).

Группа первых сотрудников Сада. 1933 год.
Внизу слева направо – А.А. Коровкин, В.И. Герасимовский, М.Х. Качурин.
В верхнем ряду в центре – Л.И. Боброва

В 1934-1936 гг. в результате первых экспедиций на Алтай и в Саяны были получены семена, луковицы, черенки – всего более 400 видов самых разных растений (Качурин, 1935, Коровкин, 1937).

Н.А. Аврорин с помощниками высаживает первые опытные растения. 1932 год

В довоенные годы Сад приобрел значительную известность и признание. Его посетили академики Николай Иванович Вавилов, Владимир Иванович Вернадский, Александр Альфонсович Гроссгейм, Дмитрий Николаевич Прянишников, профессора Борис Николаевич Городков, Лев Иванович и Андрей Львович Курсановы, Сергей Яковлевич Соколов, Юрий Дмитриевич Цинзерлинг и многие другие известные деятели науки. Некоторые из них, в частности, Борис Анатольевич Тихомиров, Александр Иннокентьевич

Толмачев и Владимир Николаевич Андреев становятся корреспондентами Сада и присылают для его коллекций и опытов собственные сборы семян и растений (Жиров, Лукьянова, 2009).

В 1939 году в пос. Ботанический сад было построено лабораторное двухэтажное деревянное здание, в котором до 1978 года жили сотрудники Сада.

В годы Великой Отечественной войны Полярно-альпийский ботанический сад был единственным учреждением Кольской базы АН СССР, который не был эвакуирован и продолжал работу в условиях прифронтовой зоны. В это время его деятельность была сориентирована на нужды фронта. На питомниках выращивали пищевые и лекарственные растения. В 1942 году в химической лаборатории Сада были разработаны методы переработки местных ягод на соки, сиропы, повидла без применения сахара. Прикомандированный в Сад будущий академик А.Л. Курсанов с помощью сотрудников Сада и инженеров треста «Апатит» разработал технологию получения глюкозной патоки из лишайников. Эту технологию использовала фабрика, производившая патоку для нужд населения и прифронтовых госпиталей. Несмотря на трудности военного времени, сотрудникам Сада удалось полностью сохранить все коллекции и гербарий (Жиров, Лукьянова, 2009).

В трудные послевоенные годы советское правительство при поддержке А.Н. Косыгина (в то время заместителя председателя Совета Министров СССР, депутата Верховного Совета СССР) поддержало Сад кадрами и финансами, благодаря чему в 1946 году значительно расширилась тематика исследований, выросла численность коллектива, были пополнены ряды специалистов.

С 1932 по 1950 гг. в Полярно-альпийском ботаническом саду работали замечательные ученые. Среди них нельзя не упомянуть Л.А. Аврорину (годы работы в Саду 1935-1938; 1942-1948), Т.В. Аристовскую (1945-1949), Н.Н. Дьячкова (1942-1944), А.А. Исупову (1941-1974), Л.И. Качурину (1933-1961), М.Х. Качурина (1934-1937), А.А. Коровкина (1934-1938), А.Я. Мишкину (1938-1945), О.А. Полынцеву (1938-1944), Т.Г. Тамберг (1947-1958), Г.Э. Шульца (1935-1938). Полный список сотрудников Полярно-альпийского ботанического сада приведен на сайте Института в разделе «ПАБСИ в лицах».

Список литературы

Аврорин Н.А. Полярно-альпийский ботанический сад в Хибинах (проект). Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1931. 19 с.

Аврорин Н.А. Первый ботанический сад за Полярным кругом. Авторская статья. Фонды ПАБСИ КНЦ РАН, Кировск, 1932. 14 с.

Боброва Л.И. Краткий отчет о работе на питомниках Полярно-альпийского бот. сада при Кольской базе Академии наук за 1932 г., 1933 г., 1934 г. Научный отчет. Фонды ПАБСИ КНЦ РАН, Кировск, 1934. 18 с.

Боброва Л.И. Опыт трехлетней акклиматизационной работы на питомниках Полярно-альпийского ботанического сада за 1933-1935 гг. Научный отчет. Фонды ПАБСИ КНЦ РАН, Кировск, 1936. 76 л.

Жиров В.К., Лукьянова Л.М. История становления и развития Полярно-альпийского ботанического сада-института им. Н.А.Аврорина // Вестник Кольского научного центра. Апатиты: Изд-во КНЦ, 2009. №1. С 110-112.

Качурин М.Х. Поездка на Алтай за живыми растениями весной 1934 года. Научный отчет. Фонды ПАБСИ КНЦ РАН, Кировск, 1935. 59 л.

Коровкин А.А. Поездка за растениями в Восточные Саяны в 1936 году. Научный отчет. Фонды ПАБСИ КНЦ РАН, Кировск, 1937. 86 л.

ПАБСИ в лицах // электронный ресурс ПАБСИ КНЦ РАН http://www.pabgi.ru/a.html

Хабибуллина Людмила Георгиевна – краевед,
г. Апатиты

Первые шаги на пути к народному образованию в селах Терского берега

2017 год – год 100-летия Великой Российской революции. Споры по поводу тех давнишних событий до сих пор не утихают. Можно соглашаться или не соглашаться с доводами противоборствующих сторон, но в одном согласимся, что СССР по уровню грамотности достиг величайших успехов, хотя еще в начале XX века уровень образования только 21,2% российского населения соответствовал европейским нормам. Примерно такой же процент грамотности был и у нас , в Мурманской области.

Как это было достигнуто, покажу на примере жителей Терского берега. Там, где были церковно-приходские школы, естественно, уровень грамотных был достаточно высоким. Такие учебные заведения были открыты во многих поморских селах до 1917 года. В Сосновском погосте школы не было, все население было неграмотным. И лишь с приходом Советской власти появились грамотные, в 1927 г. – 2 человека, 1929 – 9. Одними из первых учителей саамов стали уроженцы из Сосновки: Друженьков Георгий Александрович, заслуженный учитель РСФСР, и Ермолин Семен Федорович.

Благодаря архивным материалам можно восстановить всю сложность той обстановки, в которой практически реализовывался декрет «О ликвидации безграмотности», суть которого сводился к тому, чтобы обучить грамоте население в возрасте от 8 –до 50 лет. И в этом была первая сложность: учить надо было одновременно и детей, и их родителей. Опыта не было никакого, педагогических кадров – небольшое количество, да и в основном это были учителя церковно-приходских школ, а еще в стране – экономическая разруха и в такой ситуации было физически трудно выжить. Вот как об этом пишет учитель Кузоменьской школы Филянов М.А.: «1921-1922 год оказался неблагополучным для меня в следующем отношении. Во-первых, один паек и два пуда хлеба не хватает на месяц для семьи в 5 человек. Во-вторых, все старые запасы платья, в особенности же обуви, истощились. В-третьих, работы как по школе 11 ступени, так и по культпросвету, было много. Все вместе взятое вконец разрушило мое здоровье».

В протоколах заседаний Понойского и Сосновского сельских Советов за 1924-1926 гг. часто встречается фамилия Жогиной, которая, по-видимому, в это время была единственным работником по ликвидации неграмотности на весь район и, закончив курсы обучения в одном селе, переезжала в другое. Условия, в которых работали учителя-ликвидаторы в 1920-е годы, были, прямо скажем, не завидные. Как явствует из документов, не всегда можно было ожидать помощи из района. Один из ликвидаторов (так подписан отчет), по-видимому, столько раз обращался с просьбами помочь, что вынужден был написать о том, что работой ликпункта никто не интересуется. Или вот еще очень интересный документ: переписка руководителя ликпункта и одного из руководителей района. Чувствуется, что человек переживает за порученное дело: «вся беда в том, что весь период времени ликпункт не обеспечен самым нужным». А ответ был таким: денег на учебные пособия по смете РИКа не выделены, но « кое что отправляю (в накладной увидишь) то, что смог вырвать». Проблем

было много, и решения приходилось искать самим , руководителям школ грамоты. Например. в с. Кузомень Терского района учитель, анализируя обстановку, заметил, что у учеников разный уровень знаний. Поэтому разделил на группы и стал заниматься с ними по очереди. Второе – наладил дисциплину, так как не все были уверены в том, что им надо учиться, а больше всего боялись, что над ними будут смеяться. Результат был таков: за 15 дней число учеников выросло с 9 человек до 23 в конце занятий. Но постепенно вопрос с кадрами решался, так как открылось педучилище в г. Мурманске. Судя по спискам учителей начальных школ, в Терском районе их было достаточно, но в те времена в основном это были мужчины. Кстати сказать, ежегодно они проходили ступенчатые курсы повышения своей квалификации. Еще одна трудность: учиться было негде, старые школы требовали ремонта, но средств на ремонт, равно как и постройку новых зданий не было. Поэтому чаще всего под школу занимали часть жилого дома.

В 1930-х годах повсеместно стали открываться новые школы. В селе Поной – 5 октября 1931 г. И это было большим праздником для всех жителей села. Но могло быть и так. В выселке Пялка жители просили открыть начальную школу. Приехал зав. роно Саамского района товарищ Романов, чтобы убедиться, что комната для школы готова. Но выяснилось: помещение совершенно не пригодно, было дано время на оборудование школы. Несколько субботников родителей и школа была открыта.

Многие люди не понимали, для чего необходимо обучаться грамоте, особенно это относилось к крестьянам. Требование ликвидировать неграмотность забирало у людей достаточно много времени и усилий, отвлекало от занятий хозяйственной деятельностью. Они не посещали ликпункты, работа ликбезов прекращалась. После очередной проработки со стороны районной власти деятельность их восстанавливалась. На помощь приходили клубы, красные уголки, избы-читальни, где в инсценировках высмеивали тех, кто уклонялся от учёбы. Для таких специально проводились агитсуды. Уклоняющиеся от обучения даже могли подвергаться штрафу. Из документов известно, что к таким применяли и другие наказания: «всех неграмотных и малограмотных в случае отказа привлечь к административной обязанности, а в с. Поной «лишать продовольственной пайки в размере 12 фунтов». Вызывали в поселковый совет тех, кто не хотел учиться и штрафовали.

В 1928 году вышло постановление о призыве в Рабоче-Крестьянскую армию молодежь «азбучно грамотную». Так получилось, что в с. Сосновка допризывники оказались неграмотными. Было дано предписание председателю сельсовета «обучить таковых в Понойской школе грамоты с сохранением за ними среднего заработка за счет хозяйственников, то есть последние не создали условий для ликвидации неграмотности без отрыва от производства». Были и такие причины непосещения школы, как отсутствие одежды. И тогда сельские Советы просили помощь от района на закупку одежды, обуви для бедняков, а в случае голода, кормили детей горячими завтраками. Понойский сельский Совет просил закупить 35 пар валенок для того чтобы, дети посещали школу. Огромную помощь в ликвидации неграмотности оказало Всероссийское Добровольное Общество «Долой неграмотность!». Оно стало самым массовым и популярным. Как оно работало на местах, можно узнать из архивного документа с грифом «Всем райбазовым советам ОДН Мурманского округа». Главная директива этого документа сводилась к увеличению грамотных людей через ячейки ОДН в геометрической прогрессии.

В период хозяйственных работ (путина, зверобойный промысел, сенокос, пастьба оленей) неграмотных обучали через сезонные ликпункты. Совместно с агроучастками были проведены сельскохозяйственные курсы, на которых обучались 43 человека. Работали 4 школьные передвижки в 6 селениях. В селе Поной в период путины к неграмотным и малограмотным рыбакам прикрепляли ликбезработников – так в документе.

По окончании школы в селе Умба выдавали удостоверение в том, что гражданин обучался в Школе Грамоты и успешно закончил курс с такого-то времени и должен быть исключен из списков неграмотных. Здесь же, на удостоверении, напечатано примечание, в котором указано, что если выпускник разучится читать и писать, то должен заново пройти

курс обучения. В других селах создавали комиссии при сельском Совете по проверке знаний учеников. В качестве отчетного документа для контролирующих организаций составлялся акт, в котором указывалось, сколько обучающихся присутствовало на начало занятий, сколько убыло, не выдержало испытаний, какое количество успешно закончили ликпункт. Учеников, учившихся хорошо, премировали.

Таким образом, было достаточно много разных препятствий на пути к грамоте: это и от самого простого – нет помещения под школу для обучения неграмотных, до нечем и не на чем писать. Однако все трудности преодолевались, число грамотных с каждым годом увеличивалось.

Тараракcин Сергей Вадимович – член Союза журналистов России, г. Апатиты

К вопросу о статистике

Статистика становится необыкновенно занимательной, когда через ее призму смотришь не в близкое вчера, а в прошлое, этак лет на семьдесят-восемьдесят.

Недавно мне в руки попал удивительный справочник. Хранится он, как и положено раритету, в шкафу заведующей одной из апатитских библиотек. Смею заметить, не в центральной.

Тонкая бумажная обложка, пожелтевшая от старины. На ней сверху надпись «Мурманский окружной статистический отдел». Ниже крупными буквами «МУРМАНСКИЙ ОКРУГ». Еще ниже шрифтом помельче «Статистико-экономическое описание». В центре страницы – карта Кольского полуострова с географическими параллелями и меридианами. На карте пунктиром отмечены территории административного деления Мурманского округа на районы. Внизу обложки «Издание Мурманского исполкома». Последней строчкой обозначена дата издания «1929».

Открывается книжка небольшим предисловием заведующего Мурманским Окрстатотделом Белюнаса. Это единственная фамилия, упомянутая в издании.

Здесь надо остановиться и подумать, насколько можно доверять цифрам, приведенным в сборнике. Думаю, что полностью. В статистическую науку еще только начинал входить классовый подход. Несколько позже, в середине тридцатых годов, после всеобщей переписи населения, статистики в один миг почти поголовно превратились во врагов народа, а беспристрастная наука стала глубоко партийной и лживой. Думаю, что справочнику, изданному в конце 1929 года еще можно верить.

Во вступлении к первой главе посвященной общему описанию Мурманского округа дана краткая справка об истории его заселения и некоторых климатических особенностях Кольского полуострова. В первых же строчках подчеркивается, что Мурманск не всегда был заштатным окружным городком, а с июня 1921 по 1927 год он носил гордый статус губернской столицы. Это сегодня мы ведем отсчет времени существования Мурманской области от мая 1938 года. Даже не так давно громко отмечали ее восьмидесятилетие, за «величием» даты забыв шесть лет губернского статуса.

Заканчивается вступление данными о пятисотмиллионных запасах апатита и сведениями о том, что по гужевой дороге, проложенной от железнодорожного разъезда Белый до месторождения, вывезена первая партия минерала.

Но самой интересной строчкой можно считать ту, которую я хочу привести в оригинале: «Эксплоатацию будет вести вновь организуемый трест «Апатит».

Как известно, к непосредственной организации треста приступили в октябре 1929 года. А это значит, что сборник составлялся в самом его конце, и датировать его надо, как издание конца 1929 года. Это очень важно. Уже по всей стране катился вал коллективизации, но он еще не затронул далекий северный округ. Только в марте 1930 года из эшелона, на тринадцатом

километре недостроенной железной дороги, в предгорье Хибин были высажены в глубокий снег первые спецпереселенцы, осколки крестьянского благополучия России.

Итак, конец 1929 года - начало 1930. Переломное для страны время. После тридцатого года историю Кировска и окрестностей мы более или менее знаем. А, что представляло собой место, где должен был возникнуть новый социалистический город в конце двадцатых годов? Какими были округ и его столица, до того, как в их историю ворвались коллективизация и социалистическая промышленная революция?

Статистический сборник позволяет заглянуть на эти страницы истории.

На 1 декабря 1928 года население округа достигло 27229 человек. Конечно же, для территории превышающей суммарную площадь Бельгии, Голландии и Дании вместе взятых, эти цифры были ничтожны.

Почти половина населения Кольского полуострова, 11429 человек, числились горожанами, потому как жили в окружной столице и в городских поселениях Кола и Александровск. Последние с большой натяжкой называли поселками. Хотя многие годы назад до возникновения Мурманска Кола имела городской статус. Конечно, можно задаться вопросом: а куда делась Кандалакша? Правильно, но она до 1938 года входила в состав Карелии.

Округ был поделен на шесть районов: Александровский, Кольско-Лопарский, Ловозерский, Понойский, Териберкский, Терский.

Меня же больше всего при чтении справочника интересовал Кольско-Лопарский район. Именно на его территории развернулось строительство комбината «Апатит».

Судя по карте, он был одним из самых больших. С севера граничил с Александровским районом примерно на широте Колы. С запада делил границу с Финляндией с тем же Александровским районом. С юга соседствовал с Карелией, и самым крупным населенным пограничным пунктом была железнодорожная станция Зашеек. С востока территорию Кольского полуострова район делил с Териберским, Ловозерским и Терскими районами.

Население района на 1 декабря 1928 года составляло 5100 человек. В районном центре Кола проживало 614 человек. Национальный состав в районе был не очень разнообразен: 1787 чел. – русские, 366 финны, 701 лопари. Остальных – 553 – статистики отнесли к прочим. Среди прочих зыряне-ижемцы, карелы, норвежцы. Жили в районе и китайцы, в небольшом количестве осевшие после строительства железной дороги, и единицы шведов, не пожелавших уехать на родину в начале двадцатых годов. Да мало ли кого заносила на край земли судьба.

Лопарское население занималось оленеводством и рыболовством. Зимой лопари ходили с оленями на заработки к железной дороге заготовлять и возить дрова. Лесной промысел заключался в заготовке дров для организации «Жиллес». Получается, что не случайно оказался зимой на апатитовых разработках лопарь с оленьей упряжкой. Можно считать, что вывоз первой партии руды, говоря нынешним языком, был его своеобразной «шабашкой». Какая разница: дрова или камни? Олешка все вывезет.

Колонисты, расселившиеся вдоль железной дороги, состояли на службе дороги, работали на лесозаготовках, ловили рыбу в реках и озерах. В виде подспорья держали незначительное количество молочного скота.

Финнские колонисты, жившие в районе реки Тулома, в деревнях Ниван-Кюля и Иона занимались молочным скотоводством, рыбной ловлей, дровозаготовками и охотой.

Жизнь района держалась на тоненькой ниточке Мурманской железной дороги. Наиболее важные её станции: Имандра, Хибино (обратите внимание на написание), Тайбола, Пулозеро и Кола. Понятно, что меня больше всего интересовали железнодорожные перегоны между станциями Имандра, Хибино и разъздом Нива. Вся эта территория входила в Экостровский сельсовет.

Железнодорожный разъезд Белый вместе с колонизационным поселком Белореченский, основанным в 1924 году, стал отправной точкой для первостроителей Хибин. Именно на этом разъезде были установлены первые вагончики будущего комбината «Апатит». Население поселка составляли 84 человека. Более половины были русскими. Охотились, рыбачили,

заготавливали впрок грибы да ягоды, трудились на железной дороге. Разъезд Белый точно обозначен на картах в двух километрах севернее нынешней станции Апатиты. С поселком Белореченский сложнее. На карте района 1933 года поселка Белореченский нет. Впрочем, на ней нет и Тик-Губы, которая была основана в том же двадцать четвертом году. Но о Тик-Губе несколько позже.

Попробуем порассуждать о названии Белореченский. Скорее всего, свое имя он получил от названия ближайшего разъезда, а не по имени речки, потому как речка Белая в то время называлась Энемайок. Ближайшая речка от разъезда Белый – Жемчужная. До того, как ее соединили каналом с Большой Белой, она протекала прямо по поселку Апатиты. Думаю, что поселок Белореченский поглотила в начале тридцатых годов быстро растущая железнодорожной станция Апатиты.

В 1951 году вновь появляется название Белореченский. Начали строить Кировскую ГРЭС и организовали новое подразделение ГУЛага. Оно получило название Белоречлаг. Теперь уже по названию речки, которую заключенным ежедневно приходилось пересекать по пути к месту работы. Той самой, которую переименовали в начале тридцатых годов. В лагере было три района. Бараки второго района находились на промплощадке, напротив нынешнего здания ГИБДД города Апатиты.

В 1953 году лагерь расформировали, а в бараках второго района разместили областную психиатрическую больницу. В домах бывшей лагерной обслуги поселились медики. Образовался поселок, который по понятным наследственным признакам назвали Белореченский. В 1955 году он получил официальный статус.

В 1956 году разморозили строительство электростанции. В поселке появились строители. На сей раз они были вольными. Тогда, в конце пятидесятых годов поселок Белореченский стал стремительно застраиваться. Располагался он по правой стороне дороги, если ехать от Кировской ГРЭС в Новый город. Город рос. Жители его переселялись из временных строений в Апатиты, получившие городской статус в 1966 году. Поселок Белореченский вошел в состав Апатитов. Со временем не стало поселка. Разъехались его жители. Осталось только название.

Самым крупным поселением Экостровского района в конце двадцатых годов была станция Имандра. На станции жили 432 человека. Думаю, что остановка спецпоезда, на котором академик А.Е. Ферсман ехал в Мурманск летом 1920 года, была связана не только с заготовкой дров, а потому что по местным меркам это была просто большая станция. Именно на ней Ферсман взял первые пробы в отрогах Хибинских гор, и понял перспективность этих мест для разведки полезных ископаемых.

Второй по величине на этом отрезке пути была станция Хибино. 205 человек населявших поселок приглядывали за железной дорогой, рыбачили и работали на сельскохозяйственном опытном пункте, который основал в 1923 году Иоган Гансович Эйхфельд.

Нельзя не вспомнить поселок Тик-Губа, основанный в 1924 году невдалеке от разъезда Белый. Жили в нем 32 человека, большей частью карелы. Понятно, что основным их занятием была рыбная ловля в богатом рыбой озере Имандра. Именно в этой деревеньке организовали один из первых колхозов округа. 37 лет его работники попросту нищенствовали. В начале семидесятых колхозик приказал долго жить. На его землях обосновался ПОСВИР, перебравшийся из запыляемых отходами АНОФ-2 Хибин. Получается, что Тик-Губа изначально была несколько в стороне от нынешнего поселка, в котором первые дома появились в начале тридцатых, и поставили их спецпереселенцы.

Понятно, что в Экостровском сельсовете условия существования были гораздо суровее, чем на большей части громадного Советского Союза, хотя и там жизнь была не сахар.

Нельзя сказать, что жители сельсовета перебивались с хлеба на воду. Были в рационе северян и картофель, и мясо, и сало. Даже сладости перепадали. 3424 калории приходилось на одного сельского жителя. Не разжиреешь, но цифра эта вполне укладывается в нынешние нормы.

В продовольственную корзину входили рыба из ближайшего озера и речки, молоко от коровенки, грибы, ягоды, да оленинка, заготавливаемая впрок во время массового забоя, самой многочисленной местной живности. А вот овощи в основном были привозные. И продавались они в небольших лавках и магазинчиках.

Многое приходилось покупать в этих лавках. По большей части это были кооперативные торговые предприятия. На них приходилась большая часть товарооборота. Частная торговля, хотя ее уже стали прижимать, по количеству торговых точек не много уступала кооперативной. Зато товарооборот был в десять раз меньше. Так, что задушить её в установленные партией сроки было не трудно.

Никаких особых дотаций для округа не существовало. Перечисляемые из центра деньги, составляли меньше десяти процентов бюджета. Самой весомой долей расходов были средства, направляемые на образование. Расходы на здравоохранение были вдвое ниже, но шли по списку вторыми.

Понятно, почему приоритетом считались расходы на образование. По переписи 1926 года грамотными в округе числились 74 процента населения. И это вместе с городским. А на селе она едва превышала 60 процентов.

В Кольско-Лопарском районе было всего 10 школ. Все, считая по нынешним временам, - начальные. В Экостровском сельсовете работали две школы. Одна на станции Имандра, вторая – в Хибино. Всего в них учились 55 ребятишек, а преподавали 3 учителя.

Трудно оценить здравоохранение тех лет. Но на станции Имандра функционировал врачебный участок, где больных обслуживали два медицинских работника. Один из которых был врачом. В Хибино организовали медицинский пункт, где тоже работал врач или фельдшер. Если взять нынешнюю нагрузку на врача в Кировске и Апатитах, то можно понять, что эскулапы того времени были не сильно обременены работой. В сельсовете не было стационара, и серьезно больных приходилось отправлять в Мурманск. По статистике на 1 октября 1928 года одна коечка в больнице приходилась на 150 человек населения округа. Что многократно превышает количество, больничных мест на человека в таком современном городе, как Апатиты.

Статистика, конечно, не может передать настроение людей того времени. Ясно, что они жили в предвестии светлого будущего. Буквально месяцы оставались до коренных изменений в жизни округа. Сегодня мы можем сказать, что далеко не все мечты оправдали надежды. Но жизнь изменилась. Она просто стала другой, и совсем не похожа на жизнь в те далекие годы.

Когда подготовка доклада подходила к завершению, в Кировском архиве меня порадовали известием, что в их фондах хранится еще один экземпляр сборника, о котором я сейчас рассказал. Это здорово, потому что книги сохраняют нашу память.

Красоткин Игорь Сергеевич – кандидат технических наук, член Кольского отделения Российского Минералогического общества, краевед

Забытые лозунги ушедшей эпохи. Из истории сфеновой обогатительной фабрики комбината «Апатит»

На снимке 2003 г. – руины сфеновой обогатительной фабрики – последний, ещё сохранившийся «памятник» эпохи строительства социализма 1930-х годов на промплощадке 23-го км в районе г. Кировска. Сфен (титанит) – титансодержащий силикат кальция – является одним из минералов Хибинского щелочного массива. В 1930-х годах, когда впервые была поставлена задача комплексного использования всех полезных компонентов апатито-нефелиновых руд, сфен рассматривался как сырьё для производства титановых белил в лакокрасочной промышленности. Добыча сфеновой руды из богатых линз в Юкспорском крыле Кировского рудника велась во второй половине 1930-х годов. В 1936 году была выстроена и начала работу сфеновая обогатительная фабрика на промплощадке 23-го км. В течение 1935-1940 гг. было добыто около 45 тыс. тонн сфеновой руды и получено 7,5 тыс. тонн сфенового концентрата [1]. С началом Великой Отечественной войны добыча сфеновой руды прекратилась и в послевоенный период не возобновлялась, оборудование фабрики было демонтировано. Дальнейшую историю сфеновой фабрики на промплощадке 23-го км частично удалось восстановить по архивным документам [2, 3].

20 мая 1950 г. комбинат «Апатит» был передан МВД СССР. 27 мая 1950 г. был издан приказ Министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова «Об увеличении производства апатитового концентрата и организации ИТЛ и комбината «Апатит» МВД СССР». Начальником комбината «Апатит» и УИТЛ стал горный директор III ранга М.И. Селезнёв. В 1952 г. его сменил инженер-подполковник К.Д. Васин. В системе комбината «Апатит» на базе Белречлага в 1950 г. было создано строительное управление «Кировскстрой», которое возглавил инженер-подполковник В.И. Полтава. На «Кировскстрой» было возложено промышленное и жилищное строительство, причём во втором полугодии 1950 г. главной задачей стояло строительство лагерных объектов в Кировске, Апатитах и некоторых других пунктах Мурманской области и Карелии (Шонгуй, Энгозеро, Лоухи и др.). Всего, по архивным данным, таких объектов в 1950-1953 гг. было 20, и они именовались вначале ОЛП (отдельный лагерный пункт), а затем ЛО (лагерное отделение). В 1950 г. на строительных работах было занято 839 вольнонаёмных и 3713 заключённых. По штатному расписанию в 1951 г. охраны Белречлага управления «Кировскстрой» числилось около 500 человек.

Одним из самых крупных стало ЛО-2, которое располагалось на промплощадке сфеновой обогатительной фабрики в районе посёлка Юкспорйок на 23-м км, не случайно к этому отделению было приписано около 300 человек охраны. В перечне строительных работ на территории ЛО-2 в 1950-1953 гг. числилось строительство 16 деревянных щитовых бараков жилой площадью от 164 до 285 кв. м, в каждом из которых размещалось от 110 до 192 заключённых, штрафного барака (285 кв. м), казарм охраны, овощехранилища, пекарни, пищеблоков, уборных, гаража, собачьего питомника и т.д. Частично использовались и переоборудовались существующие каменные здания складов, мехмастерских и

производственных корпусов сфеновой фабрики. Главный технологический корпус был переоборудован под санчасть, в бывшем сушильном отделении располагались КВЧ (культурно-воспитательная часть) и библиотека. После ликвидации лагерного отделения здания на промплощадке сфеновой фабрики использовались для различных целей: здесь жили студенты-практиканты ЛГИ, располагался большой керносклад Хибиногорской партии Мурманской ГРЭ и т.д. Впервые неформальная творческая группа Кольского отделения РМО (Ю.Л. Войтеховский, И.С. Красоткин, А.Л. и А.А. Лесковы) посетила промплощадку фабрики в 2003 г. Но только в 2017 г. наше внимание привлекли два одноэтажных каменных здания примерно в ста метрах к западу от главного корпуса. На их стенах (снаружи и внутри) мы обнаружили многочисленные лозунги, явно происхождения 1950-х годов, выведенные краской по штукатурке – частично осыпавшиеся и утраченные.

В Советском Союзе лозунги были одной из важных форм пропаганды. В мае 2017 г. в Санкт-Петербурге, в Государственном музее политической истории, работала выставка «Фабрика лозунгов», посвящённая пропаганде 1920-х годов [4]. Хибинский регион 1950-х годов не был исключением. Вот «Обращение… ко всем рабочим, ИТР и служащим комбината «Апатит», принятое на слёте стахановцев комбината «Апатит» 6 октября 1950 г. [2]: «…Строительство коммунизма в нашей стране получило невиданный доселе размах… Да здравствует наша Советская Родина, оплот мира во всём мире!... Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков и ленинско-сталинский ЦК! Да здравствует наш дорогой учитель и вождь советского народа великий Сталин! Под водительством тов. Сталина вперёд – к новым победам коммунизма!» (здесь и далее орфография и пунктуация сохранены). На слёте было принято социалистическое обязательство: «… 3. Выполнить годовой производственный план по выпуску апатитового концентрата (1 млн 450 тыс. тонн – *прим. авт.*) ко дню рождения тов. Сталина 21 дек. с.г. …». Обязательство было выполнено, и комбинат «Апатит» получил поздравление от ГУЛ ГМП МВД СССР (Главное управление лагерей горно-металлургической промышленности МВД).

Теперь обратимся к руинированным одноэтажным каменным постройкам 23-го км. К сожалению, в документах ГОКУ ГАМО в г. Кировске нет планов расположения объектов ЛО-2, и поэтому о назначении зданий можно говорить только предположительно. Вероятно, в верхнем по склону доме размещалось управление лагерного отделения. Об этом свидетельствует надпись на торце крыльца: «Беспощадно бороться с нарушителями лагерного режима». Внутри, на стене: «Бригадиры-десятники повышайте производительность…». Нижний дом (на фронтоне выложен год строительства – 1950), судя по «кафельному интерьеру», занимала столовая-пищеблок. На наружной стене читаем: «Не забудь, в соревновании ты должен быть первым… Честным самоотверженным трудом искупи свою вину перед народом… Труд в СССР – дело чести, славы, доблести, геройства». Последний лозунг является адаптированным изложением тезиса из отчёта ЦК ВКП(б),

представленного И.В. Сталиным XVI Съезду партии в 1930 г. Внутри здания, по верху стены: «Да здравствует миролюбивая (политика СССР – *прим. авт.*)». Ещё по стенам этих домов можно разобрать только разрозненные слова: «… не окончив… должен… производители работ…». Совершенно очевидно, что в недрах МВД такую наглядную агитацию достаточно широко использовали.

А теперь переместимся на 300 м к востоку от здания Сфеновой фабрики. Здесь, в густом лесу, выросшем за последние полвека, находятся руины другого основательного железобетонного сооружения – Ловчорритовой обогатительной фабрики 1934 г. На бетонной стене аккуратно выбито инструментом «послание» одного из заключённых, обнаруженное всего два года назад д. чл. РМО А.А. Лесковым: «*Я был арестован 1952 г. 13 .V. кто не будь увидит тот поблудить…*» и некая нецензурная концовка. Вот такая «клинопись» середины XX века.

Возможно, пройдёт ещё немного времени, и руины, хранящие тяжёлую память о поистине «смутном» времени в истории Кировска (1950-1953 гг.), усилиями АО «Апатит» будут уничтожены, как это недавно произошло с АНОФ-1, Фосфорным заводом 1930-х гг. и новым, так и не вступившим в строй, Юкспорским рудником конца 1980-х. Надеюсь, что наши публикации сохранят некие виртуальные представления о начале эпохи строительства коммунизма в Хибинском регионе.

Автор благодарит д. чл. РМО Д.Г. Степенщикова за помощь в подготовке материалов.

Литература

1. Красоткин И.С., Шпаченко А.К., Войтеховский Ю.Л. и др. Краткая история хибинского титанита. / Труды VI Ферсмановской сессии // Апатиты: Изд-во К&М. 2009. С. 63-65.
2. Материалы ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 179. Оп. 1. Дела №№ 2270, 2271, 2384, 2386, 2466, 2591, 2758, 2815, 3005, 3053 за 1950-54 гг.
3. Материалы ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-201. Оп. 1. Дела №№ 15, 18, 19, 21 за 1951-54 гг.
4. Чередниченко А. От «коммунизмы» до гипермаркета // «Санкт-Петербургские ведомости» от 18.05.2017.

Котляренко Павел Евгеньевич – учитель истории муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения "Средняя общеобразовательная школа № 6», г. Апатиты

Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) и начало освоения Хибин

Одним из самых драматичных последствий революционных событий 1917-1920-х годов стало создание в России, а позже в СССР лагерной системы, которая являлась следствием репрессивной политики большевиков против своих реальных и потенциальных противников. Особенностью советских лагерей был обязательный труд заключенных как элемент экономической политики советского государства. Первые лагеря были созданы по инициативе Троцкого в июне 1918 года, «когда Троцкий приказал усмирить, разоружить и поместить в концлагеря взбунтовавшихся чешских военнопленных». Тогда же, в июне, он предложил советскому правительству помещать в концентрационные лагеря, тюрьмах под открытым небом, «паразитические элементы», буржуазию и бывших офицеров, не желающих вступать в Красную армию» [1].

Год спустя, 15 апреля 1919 года, вышло Постановление ВЦИК «О лагерях принудительных работ», которые должны были создаваться для граждан России в каждом губернском городе из расчета на 300 человек заключенных [2]. К концу 1919 г. был организован 21 лагерь, через два года (в 1921 г.) - 122, и еще спустя два года (1923 г.) - уже 315 лагерей. Самым известным трудовым лагерем был Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения ОГПУ, созданный 13 октября 1923 года постановлением СНК СССР (протокол № 15) [3].

Его предшественниками были Северные лагеря принудительных работ ВЧК, с центрами в Архангельске, Холмогорах и Пертоминске, созданные весной 1920 года. Соловецкий концентрационный лагерь № 3 был открыт как отделение Северных лагерей губернского подчинения. Уже в конце мая 1920 г. на Соловки поступили первые партии заключённых [3].

Организация и деятельность Соловецкого лагеря стала моделью, образцом для всей лагерной системы СССР, в том числе и организация, так называемых, командировок или отделений за пределами самого лагеря. Уже в 1923-1924 годы группа соловецких заключенных была отправлена на Мурман, в Териберку на рыбный промысел.

Создание Соловецкого лагеря совпало с началом колонизационной работы Правления Мурманской железной дороги в Карелии и на Кольском полуострове. Постановление об этом было принято Советом Труда и Обороны 25 мая 1923 года. В нем, в частности, говорилось, что «Мурманская железная дорога обязана производить отвод участков для водворения устройства на ней рабочих и служащих дороги, а также пришлого населения», которое определялось как «переселенцы» и «в целях привлечения» получало определенные льготы.

За 1923-1924 годы в районы колонизации от Медвежьей Горы до Мурманска прибыли 190 семей или 825 человек, в т.ч. 15 семей и 65 человек — в районе разъезда Белый Мурманской железной дороги [4]. В Отчете колонизационного отдела за 1924-1925 год говорилось о водворении еще 323 семей и 1262 человек. Всего за два года вдоль линии МЖД поселилось 506 переселенческих семей и 2058 человек [5]. Колонизация шла довольно медленно, рабочих рук не хватало, тем более, что переселенцы должны были прежде всего

обустроить своё новое жилье. Здесь и пригодился «трудовой контингент» Соловецкого лагеря особого назначения. С 1925 года заключенные трудились на сезонных работах на Кольском полуострове, занимаясь строительством подъездных путей, мастерских, депо, лесопильных заводов [6].

В 1926 г., судя по публикациям в лагерной прессе, уже существовала и частично реализовывалась идея лагерного освоения Карело-Мурманского края, способная заменить собой процесс его колонизации вольными переселенцами. Окончательно эта идея сформировалась к 1929 году, ставшим переломным в истории страны. Индустриализация требовала привлечения большого количества неквалифицированной рабочей силы, одним из источников которой должны были стать исправительно-трудовые лагеря. 11 июля 1929 года было принято Постановление СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных». В нем, в частности, говорилось о необходимости «расширить существующие и организовать новые исправительно-трудовые лагеря... в целях колонизации [отдаленных] районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы».

Выполняя это Постановление, в Карелии и на Кольском полуострове создаются лагерные отделения Соловецкого лагеря. Одно из них, шестое, было создано на разъезде Белый для строительства грунтовой и железнодорожной дорог от разъезда до горы Кукисвумчорр, где начиналась промышленная добыча апатита. Общее руководство этими работами осуществляла Мурманская железная дорога, рабочие руки предоставлял Соловецкий лагерь особого назначения.

Лагерь фактически продавал своих заключенных различным организациям, которые использовали их на самых разных работах. Бежавший в 1930 году в Финляндию сотрудник Управления СЛОН Н.И. Киселев-Громов называет таких узников «проданными». Их лагерь «по директиве из ОГПУ, продает разного рода хозяйственным организациям Карелии, Мурманского Края, Архангельской губ. и Мурманской жел. дороги» [7].

О торговле людьми в Соловецком лагере вспоминал другой беглец и бывший узник Владимир Чернавин. «Представьте себе, там (в управлении Соловецкого лагеря) так и говорят: «продаем», «при оптовой покупке скидка», «первосортный товар», «за такого-то в Архангельске 800 рублей в месяц дают, а вы 600 предлагаете! Товар-то какой. Курс в высшем учебном заведении читал, солидные печатные труды имеет, директором огромного завода был, в довоенное время одним из лучших инженеров считался... За квалификацию, добросовестность и благонадежность ГПУ ручается и отвечает».

На строительстве грунтовой дороги, начатом 3 июня 1929 года, было задействовано около 600 человек [6]. Как сообщал журнал «Карело-Мурманский край», «Строительству пришлось преодолеть значительные трудности. Главнейшими затруднениями были: очень плотный, слежавшийся каменистый грунт, почти исключающий копание лопатой и шедший только с кирки и лома; многочисленные валуны, уничтожен ие которых шло преимущественно вручную и редко динамитом за отсутствием подрывников; большие болотистые пространства как в низинах, так и по скату гор; недостаток накатника для гатей и бревен на мосты, что вызывало дальние перевозки материалов; дождливое лето и осень; изобилие комаров и мошкары; недостаток рабочих рук и их текучесть при частых перебоях в снабжении, и, наконец, изменение заданий в процессе строительства». Тем не менее, уже 7 октября 1929 года по дороге было открыто «сплошное движение грузовиков от бремсберга, подающего апатитовую руду, до вагона на станции железной дороги, и в этот же день вывезена первая тонна апатита». За четыре месяца 29 км дорожного строительства было устроено 40 мостов, свыше 4 км сплошного настила, была «проведена и оборудована телефонная линия от разъезда Белого в горы с ответвлениями, вводами и устройствами 8 станций».

11 сентября 1929 года в соответствии с Постановлением Совета Труда и Обороны СССР Мурманская железная дорога «в срочном порядке» приступила к постройке железнодорожной ветки. Она начиналась от вновь созданной в 2 км к югу от разъезда Белый станции и тянулась на 22 км до месторождения апатитов в Хибинских тундрах. Управление

СЛОН заключило договор с Правлением Мурманской железной дороги на прокладку ветки «Апатиты». На этой стройке работало до 2 500 заключенных [6].

Работы велись зимой 1929-1930 годов круглосуточно, несмотря на полярную ночь и суровый климат. Заключенные были лишены не только полноценных питания и отдыха, но и одежды, соответствующей условиям работы. Газета «Новые Соловки», издававшаяся в Соловецком лагере, писала в № 30 от 8 июля 1930 года: «Это был действительно без преувеличения титанический труд. Каменные породы необычной твердости, подобные цементу, и мерзлота грунта заставляли даже летом обкладывать отдельные места кострами и отвоевывать, давая оттаивать грунту. Огромные валуны... Масса земляных работ – свыше 250 000 кубометров, насыпи до 7 метров высоты на болотах, около четырех десятков мостов, непредвиденные трудности вроде знаменитой «мокрой выемки», являющейся следствием сообщения двух озер, ураганы...работа в зимние полярные ночи при фонарях и многое другое». 5 июня 1930 года железнодорожная линия была сдана в коммерческую эксплуатацию и открыта для прямого сообщения.

Работы по строительству железнодорожной ветки принесли Соловецкому лагерю доход в 1,5 миллиона рублей [6].

Одновременно со строительством железнодорожной ветки велись работы по созданию треста «Апатит», основной задачей которого являлась «организация рудничного хозяйства для добычи 250 тыс. тонн руды в 1929-1930 гг. и 1 млн. тонн в 1930-1931 гг. с дальнейшим расширением» [9]. Трест был создан 13 ноября 1929 года и был включен в число 29 сверхударных строек первой пятилетки как «имеющий важное государственное значение». Одной из задач, стоявших перед временным директором треста В. Кондриковым, было обеспечение хибинских разработок людскими ресурсами. Поначалу, по словам Кондрикова, многие надеялись, что именно заключенные сыграют важную роль в работе треста. Перспективу использования труда заключенных на апатитовых разработках обсуждали и на партийном собрании Соловецкой ячейки ВКП (б) 9 декабря 1929 года. Было отмечено, что добыча апатитов будет составлять примерно 1 млн. тонн в год, и «этим вопросом занялся теперь УСЛОН». Когда С.М. Киров прибыл 1 января 1930 года в поселок Кукисвумчорр, вместе с ним находился начальник УСЛОН А.П. Ногтев. Участие соловецких узников в освоении хибинских богатств казалось тогда очевидным.

В апреле 1930 года численность заключенных 6 отделения составляла 2340 человек [10]. Мы не знаем имен этих людей, многие из которых, были зарыты в землю вдоль дороги, которую они строили, но известно, что среди них были представители разных социальных групп. Известны имена священников Дмитрия Лисицкого, Петра Григоровича, будущего священника Василия Евдокимова, украинца Мазура.

О положении заключенных 6 отделения СЛОН можно судить по отчету комиссии Коллегии ОГПУ во главе с А.М. Шаниным, которая в апреле 1930 года обследовала Соловецкие лагеря. В отчете упоминается и 6 отделение на разъезде Белый: «6-е отделение – центр: разъезд «Белый» (Мурманской ж/д), имеет в своем составе 2340 заключенных, занятых на постройке ж/д ветки к апатитовым разработкам... В 6 отделении СЛОН имеется дело о систематических избиениях заключенных».

В мае 1930 года СЛОН был реорганизован в Соловецкие и Карело-Мурманские исправительно-трудовые лагеря (УСИКМИТЛ), которые состояли из двенадцати отделений, среди которых было и шестое отделение в Хибинах. Не прошло и года после реорганизации, как в январе 1931 года «вновь открыт Соловецкий лагерь с центром в Кеми (СЛАГ), а шестое отделение было переименовано в «Шестой (Хибинский) отдельный пункт СЛАГ ОГПУ».

Несмотря на имевшиеся планы по широкому использованию заключенных трестом «Апатит» в Хибинах, основной рабочей силой стали не они, а «раскулаченные» спецпереселенцы. В 1929 году началась сплошная коллективизация, итогом которой стали сотни тысяч крестьян, кулаков как их называли, которых высылали на Север, в Сибирь, где они становились рабочей силой на стройках первой пятилетки. Одним из пунктов назначения для них стали Хибины.

В Сводке Транспортного отдела ОГПУ на 28 марта 1930 года сообщается, что 10 марта из Псковского округа со станции Новоселье эшелоном № 1 были отправлены на станцию Апатиты 920 человек. 13 марта этот эшелон «прибыл к месту назначения... Вторая партия в количестве 772 чел. отправлена с эшелоном № 2 со станции Березка 26 марта, каковой находится в пути. Третья партия предназначена к погрузке 29 марта 1930 г.» Это были первые строители нового города. По данным ОГПУ, в 1930 году в Хибинах было размещено 2140 семей (11 054 чел.). Это были крестьяне, и поэтому их можно было использовать лишь как неквалифицированную рабочую силу.

Но нужны были технические специалисты, которых не хватало на строительстве. Для решения проблемы специалистов секретариат Ленинградского обкома ВКП(б) 19 августа 1930 г. разрешил тресту «Апатит» провести вербовку освободившейся в связи с окончанием строительного сезона в Ленинграде рабочей силы. Одновременно отделу кадров обкома ВКП(б) и Ленсовнархозу поручалось немедленно направить в Хибины 400 строительных рабочих, 20 инженеров и техников. В это же время (август 1930 г.) трест «Апатит» вел переговоры с Управлением Соловецких лагерей об использовании трестом «Апатит» заключенных из числа технических специалистов. Официально такие заключенные назывались «контрактированными специалистами», а их наниматели - «контрагентами». Такие специалисты, по словам В. Чернавина, находились в полном распоряжении контрагента, который мог их назначать на любую работу и любую должность. Контрагент выплачивал УСЛАГУ ежемесячно 90% «установленного по договору вознаграждения», а остальные 10% заработка получал сам заключенный. При этом их могли заставить работать «хоть 24 часа в сутки».

О стоимости «живого товара» можно узнать из книги Н.И. Киселева-Громова. «Продажная цена на инженера колеблется от 300 до 800 рублей, а на техника – от 100 до 400 рублей в месяц: от СЛОНа же эти инженеры и техники получают немного и одинаково – 9 рублей 29 копеек в месяц, т. е. «усиленный паек». И представьте себе, все эти инженеры к техники работают очень хорошо: они ведь знают, что в противном случае им грозит работа в лесу и смерть».

30 августа 1930 года был подписан «Договор о контрактации 7 инженеров заключенных» [13]. Текст этого договора нам не известен, но доступен Договор, заключенный между Управлением Соловецкими и Карело-Мурманскими исправительными лагерями ОГПУ (УСИКЛМИТЛ) 13 января 1931 года. За две недели до этого, 31 декабря 1930 года за подписью Кондрикова была отправлена телеграмма следующего содержания:

«В П.П. ОГПУ в ЛВО

Тов. Медведь

...гострест Апатит... обращается к Вам с просьбой оказать содействие в использовании на строительстве и горных работах треста специалистов, находящихся в заключении в лагерях УСИКЛМИТЛ.

Упр. Трестом: Кондриков

Зав. Адм. Хоз.: Кочетков» [14].

Договор подписали начальник Управления Соловецкими и Карело-Мурманскими исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ (УСЛАГ) Иванченко Андрей Андреевич и заведующий Административно-хозяйственным отделом Всесоюзного гостреста «Апатит» Козырев Василий Сергеевич. УСЛАГ предоставлял в распоряжение треста для постоянной работы в качестве инженера-технолога заключенного Сизова-Сапко Александра Ивановича. За использование «законтрактированного» заключенного трест выплачивал УСЛАГу ежемесячно 700 рублей. Расчеты производились «1 и 15 числа каждого месяца... безденежных перечислений УСЛАГу» по 350 рублей в Кемском Агентстве Госбанка. В случае задержки оплаты «уплачивалась «пеня» или неустойка. Общая ориентировочная цена договора составляла 4200 рублей.

Продолжительность рабочего дня специалиста была ненормированной при пятидневной «непрерывной производственной неделе» с возможностью сверхурочной

работы с ведома УСЛАГа. Перевод заключенного на другую работу или в иное место, а также командировка за пределы района допускались «с письменного разрешения на то УСЛАГ в каждом отдельном случае». Контрагент (трест) должен снабдить за свой счет заключенного «необходимой спецодеждой и др. предохранительными приспособлениями», а также предоставить «годное для жилья помещение» и «пользование баней». Кроме этого, за счет треста производилось «обслуживание заключенного медпомощью» [15].

Такой договор заключался на каждого законтрактированного заключенного-специалиста. Всего 13 января 1931 года были законтрактированы 18 специалистов. Пять месяцев спустя, 19 июня, было подписано «Дополнительное соглашение» о продлении январского договора «о контрактации 18 специалистов из заключенных... на 1 месяц, т.е. до 30 июля 1931 года». В Соглашении указана специализация законтрактированных. Это горные инженеры, инженеры-строители, горные техники, электротехники, минералог, бухгалтер, экономист [16]. Следует отметить, что стоимость заключенных, по мнению контрагента (треста) была завышенной, о чем в УСЛАГ и писал Кондриков. «Условия оплаты за контрактированных специалистов считаем слишком высокой, каковая должна быть снижена Вами» [17].

Неизвестно чем закончилась эта переписка, вероятнее всего ничем, поскольку в 1931 году разворачивалось строительство Беломор-Балтийского канала и «начиная с сентября, на строительство канала перебрасывается почти весь наличный состав Соловецких и Карело-Мурманских лагерей». Лагерные бараки передавались Горкомхозу и заселялись спецпереселенцами. Их трудом начиналось освоение Хибин. Лагеря еще вернутся на эту землю, но будет это уже после войны.

Заключенные Соловецкого лагеря особого назначения внесли значительный вклад в освоение Кольского Севера и в том числе Хибин и Прихибинья. Их превратили не только в бесправных узников, их превратили, фактически, в рабов, которых не только использовали на самых тяжелых работах, но и торговали ими, не считаясь с их человеческим достоинством.

Литература.

1. Эпплбаум. Э. ГУЛАГ. - Режим доступа: http://velib.com/book/ehpplbaum_ehnn/gulag/#book_346971

2. Постановление ВЦИК от 15.04.1919 года «О лагерях принудительных работ» - Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ВЦИК_от_15.04.1919_О_лагерях_принудительных_работ)

3. Соловки-энциклопедия. Концлагерь — Режим доступа: http://www.solovki.ca/camp_20/solovki_camp_data.php

4. Год колонизационной работы. Отчет о работе колонизационного отдела Мурманской железной дороги за 1923-1924 год, Из-е Правления Мурманской жел. дор., Ленинград, 1925, с. 183

5. Второй год колонизационной работы Мурманской железной дороги. Отчетный сборник Колонизационного отдела Мурманской железной дороги за 1924-1925 год. Издание Правления Мурманской жел. Дор. Ленинград, 1926, с. 23

6. Шульгина, М.В. Соловецкие лагеря и экономика Кольского севера. / М.В. Шульгина // Ученые записки Петрозаводского Государственного университета. - 2012. - №1(122).Февраль. - С. 30.

7. Киселев-Громов Н.И. С.Л.О.Н. Соловецкий лес особого назначения. - Режим доступа: http://mreadz.com/read-182486/p43

8. Чернавины В.иТ. Записки вредителя. Побег из Гулага — Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1022769/Chernavin_-_Zapiski_vreditelya._Pobeg_iz_GULAGa.html

9. ГОКУ ГАМО в Кировске Ф.179 дело №8, оп.1, с.38
10. Сошина А.А. Материалы к истории лагеря и тюрьмы на Соловках [1923-1933 гг.]: основные события, статистика заключенных, организационная структура. - Режим доступа: http://www.solovki.ca/camp_20/kem_perpunkt_04a.php
11. СОЛОВЕЦКИЕ ЛАГЕРЯ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ ОГПУ: Документы ЦА ФСБ России и ГАОПДФ Архангельской области. - Режим доступа: http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1000703
12. Сводка Транспортного отдела ОГПУ на 28 марта 1930 г. Режим доступа - http://istmat.info/node/54848)
13. ГОКУ ГАМО в Кировске, Ф.179, дело №25, оп.1, с.42
14. ГОКУ ГАМО в Кировске,Ф.179, дело №25, оп.1, с.44
15. ГОКУ ГАМО в Кировске, Ф.179 дело №25, оп.1, с.40-42
16. ГОКУ ГАМО в Кировске, Ф.179, дело №25, оп.1, с.21
17. ГОКУ ГАМО в Кировске, Ф.179, дело №25, с. 24

Е.И.Макарова, В.П.Петров, А.Д.Токарев

Советский опыт научного сопровождения освоения природных ресурсов Кольского Севера в 1-й половине XX века

История создания апатитовой промышленности в России тесно связана с эпопеей индустриализации и социалистическим преобразованием сельского хозяйства на основе плановой экономики в первой половине XX столетия. Широкое применение хибинских апатитов имело большое значение для повышения урожайности колхозных и совхозных полей страны, для развития химической индустрии, став по выражению видного государственного деятеля 1930-х гг. В.В.Куйбышева «едва ли не одной из самых блестящих страниц в истории развития химии первого пятилетия» [1]. «Еще недавно казавшиеся для многих неосуществимыми проекты в полярных широтах, упорством, знанием и трудом трудящихся Хибин побеждены. Как это ни странно химия пришла даже в тундру и преобразила ее», - писал тот же В.В. Куйбышев, говоря о первом опыте освоения Кольского Севера в Хибинах [2].

Успешный опыт освоения территорий Кольского Севера в дальнейшем был применен в ходе индустриализации других регионов Крайнего Севера, в частности в Коми республике в 1940-е гг., способствуя освоению полезных ископаемых и развитию практики северного земледелия [3].

Советское государство с первых лет своего существования было озабочено проблемой подъема разрушенного войной и революцией сельского хозяйства, считая одним из эффективных способов решения проблемы организацию производства искусственных удобрений. Так, еще в 1919 г. был организован специализированный институт – Центральный научно-исследовательский институт удобрениий.

Организованные в 1920 г. Северной научно-промысловой экспедиция (с 1925 года – Институтом по изучению Севера) исследования естественных богатств Советского Севера положили начало изучению одной из труднодоступных частей Кольского полуострова – Хибинских тундр, которые в последующие годы под руководством академика А. Е. Ферсмана увенчались рядом открытий.

Открытие А. Н. Лабунцовым в середине 1920-х гг. богатейших залежей апатита в Хибинах определило пути его промышленного освоения. В 1926-1927 гг. он опубликовал ряд статей, в которых призвал к продолжению геолого-исследовательских работ в Хибинах. Это было в то время, когда на необходимость форсированного производства удобрений указывали IV съезд Советов (апрель 1927 г.) и XV съезд партии (декабрь 1927 г.). На пленумах ЦК ВКП(б) в 1928-1929 гг., на XVI партийной конференции и V съезде Советов СССР также отмечалось большое значение минеральных удобрений и обращалось внимание на необходимость значительного увеличения их производства.

Постановлением Совета Труда и Обороны «О мероприятиях по производству минеральных удобрений на 1929/30 гг.» Научному институт по удобрениям и Геолком были профинансированы поиски новых месторождений фосфорного сырья, в результате которых энтузиасты и пионеры северного земледелия во главе с И. Г. Эйхфельдом, вывезли на оленях из Хибинских тундр первые сотни пудов апатита. Апатит был отправлен в Москву и Ленинград для проведения исследованийю. Результаты превзошли все ожидания ученых. Начало промышленному освоению Хибин было положено.

Важным шагом в деле освоения апатита в промышленных масштабах стало постановление сырьевой секции Комитета по химизации народного хозяйства при СНК СССР от 6 февраля 1929 года, принятое после обсуждения докладов академика А.Е. Ферсмана и инженера В.И. Влодавца. Было установлено, что месторождения хибинских апатитов имеют общесоюзное значение с точки зрения развития фосфато-туковой

промышленности [4]. Ленинградскому областному совету народного хозяйства было поручено организовать исследование месторождений апатита и привлечь к этой работе Академию наук, Геолком, Институт по изучению Севера, Институт удобренияй, Институт по механической обработке полезных ископаемых («Механобр»), колонизационный отдел Мурманской железной дороги. 17 марта 1929 г. при Ленинградском совнархозе была создана Апатито-нефелиновая комиссия Главхима ВСНХ СССР под руководством И.Ф. Кодацкого, куда вошли представители от Академии наук СССР, Геологического комитета, Института по изучению Севера, Института удобрений и Колонизационного отдела Мурманской железной дороги. Апатито-нефелиновая комиссия после ряда подготовительных мероприятий обосновала большие преимущества хибинского апатита перед известными низкосортными залежами [5]. Сотрудники Института удобрений под руководством инженера М.П. Фивега в короткие сроки провели работу по алмазному бурению и другим видам вскрытия месторождения апатита, и на основании полученных данных в дальнейшем были разработаны проекты рудника и обогатительной фабрики.

Поскольку вопрос о создании на Кольском полуострове крупного промышленного центра еще не был решен, а недостаточная изученность Севера заставляла склоняться в сторону организации в Хибинах добычи сырья «вахтовым методом» с транспортированием его в Ленинград, то именно принципиальная позиция первого секретаря Ленинградского губкома (обкома) партии и северо-западного бюро ЦК ВКП(б) и члена Политбюро ЦК ВКП(б) С.М. Кирова в пользу обживания Севера фактически определила будущее региона. Перечень мероприятий по Северу, сформулированных С.М. Кировым, стал тезисным выражением научно обоснованного плана хозяйственных мероприятий в Хибинах: «1. Форсированное строительство апатитового рудника и организация добычи руды как для удовлетворения потребностей внутреннего рынка, так и для создания экспортной статьи с целью получения валюты. 2. Быстрейшее окончание строительства железной дороги от разъезда Белый к Хибинскому месторождению. 3. Постройка рабочего поселка, сооружение электростанции, строительство обогатительной фабрики. 4. Проведение ряда работ по научному и промышленному исследованию апатитов и других полезных ископаемых Хибинского месторождения» [6]. Этот перечень был взят за основу научного обоснования, представленного академиком А.Е. Ферсманом в работе «Апатито-нефелиновая проблема Хибинских тундр» (1929) [7].

Финансовая поддержка со стороны власти строящегося промышленного предприятия и решение кадровой проблемы за счет переселенцев определили успех первой социалистической стройки в короткие сроки: в октябре 1929 г. трест «Апатит» стал первой ласточкой социалистической индустриализации северных территорий страны. Одновременно с добычей руды и рождением промышленных предприятий создавался комплекс коммунально-бытовой инфраструктуры. Позже академик А.Е. Ферсман вспоминал: «Вся история развития Хибин, весь ход создания промышленности Заполярья, процессы освоения Мурманского края неразрывно связаны с именем С.М. Кирова, его неисчерпаемой инициативой, замечательной волей, ясностью мыслей, непреклонной решимостью побеждать природу, его изумительной способностью влиять на людей, вдохновлять их огненными словами, направлять по правильному пути. Открыт апатит. Запасы кажутся огромными, но официальная наука не верит. Помогает Сергей Миронович. При Ленинградском институте образуется апатито-нефелиновая комиссия, которая еще в начале сентября 1929 г. выносит положительное решение. Затем доклад т. Кирову – при его содействии 11 сентября выносится постановление СТО, организуется хозяйственное объединение для овладения новыми богатствами.

Во мраке полярной ночи он сам едет в Хибины, по узкой, занесенной снегом дорожке, добирается до станции Апатиты. Затем встает проблема нефелина. И снова тщательно знакомится Сергей Миронович с этим делом. В Ленинградском исполкоме создается Карело-Мурманский комитет для содействия изучению и использованию богатств Северного края. Начинает строиться Кандалакшский комбинат. Потом приходит проблема

железа. По инициативе тов. Кирова поднимается вопрос о создании ленинградской металлургии. Сергей Миронович толкает вперед поиски, разведки. Неожиданно блестящий успех: найдены сотни миллионов тонн железной руды на горе им. Кирова и соседних холмах Монча-Тундры. Ход развития и разведок в Хибинах находится в центре внимания тов. Кирова.

Помню, когда, вернувшись из второй поездки на Север, тов. Киров встретил меня в Москве. Его первыми словами были: - **«А ведь Хибины завоеваны. Еще многое не сделано. Но будет сделано».** Победа в Хибинах – дело рук Сергея Мироновича…», писал академик А.Е. Ферсман [8].

Крупнейший промышленный центр за Полярным кругом был построен всего за три года: первый социалистический город Хибиногорск, рудники, железная и шоссейная дороги. Введение в строй объектов треста «Апатит» – апатитового рудника в 1929 г., двух очередей АНОФ-1 в 1931 г. и 1934 г., фосфорного завода в 1932 г, нефелиновой фабрики в мае 1939 г. и других объектов – позволило создать собственную сырьевую минеральную базу производства фосфорных удобрений в стране.

Академик А.Е. Ферсман считал создание химической промышленности в стране задачей народнохозяйственного значения. Докладные записки по проблеме химизации, поданные А.Е. Ферсманом в 1920-е гг. в правительственные органы, сыграли важную роль в развитии отечественной горной, химической и металлургической промышленности. За работы по химизации индустрии А.Е. Ферсман был удостоен премии имени В.И. Ленина [9]. Выдающийся геохимик и минералог, геолог и географ, действительный член Академии наук СССР А.Е. Ферсман двадцать пять лет своей научной и организационной деятельности посвятил Хибинам, вера в успех освоения богатств которых позволила ему не только организовать и скоординировать геологические и минералого-геохимические исследования на Кольском полуострове, сплотив воедино целый ряд производственных и научных организаций страны, но и добиться успешного осуществления идеи – освоить апатитовые месторождения в условиях Заполярья.

По инициативе академика А.Е. Ферсмана была создана Хибинская исследовательская горная станция Академии наук (ХИГС) (1930), ставшая ключевым звеном в формировании культурологической, образовательной и научно-просветительской среды обитания Мурманской области. Хибинская исследовательская горная станция АН СССР (1930-1934) – Кольская база АН СССР (1934-1949) – Кольский филиал АН СССР (1949-1988) в течение всего периода 1-ой половины XX века и далее – как Кольский научный центр АН СССР (1988-1991) в годы «советского периода» обеспечивали научное решение естественно-технических задач индустриализации края, успешные результаты которого достигались путем взаимодействия с властью (партийной и государственной) и производством. Такой подход позволил всего за 10-15 лет получить интегрированное решение проблемы развития производительных сил и освоения природных ресурсов страны на Европейском Севере.

Научно-изыскательская работа проводилась при поддержке правительства и крупнейших государственных учреждений страны большой группой геологов, минералогов и геохимиков – ведущих ученых страны, заложивших в 1920-1950-е гг. фундаментальную основу представлений в области геологии и способствовавших открытию крупных месторождений полезных ископаемых на Кольском полуострове. Становление и развитие Кольского научного потенциала рождалось в предвоенный период, не прекращаясь в военный и продолжаясь в послевоенный, в сложной политической обстановке как в мире в целом, так и в стране. Уже накануне Великой Отечественной войны Кольская база АН СССР превратилась в комплексное научное учреждение Академии наук СССР, обеспечивавшее организацию фундаментальных научных исследований во всем пространстве Евро-Арктического \ Баренцева региона.

Великая Отечественная война изменила мирные планы развития Кольской базы Академии наук СССР. Приказом N 29 от 11 августа, во исполнение правительственной комиссии и по телеграфному распоряжению Президиума Академии наук Кольская база АН

СССР была эвакуирована в г. Сыктывкар Коми АССР [НА КНЦ РАН, ф. 1, оп. 6, д. N 110-а, л.4,6]. Путем слияния Северной Базы Академии наук из Архангельска с Кольской базой в сентябре 1941 года была организована База Академии наук СССР по изучению Севера под руководством академика А.Е. Ферсмана. В состав Объединенной Базы вошел Кировский стационар - Полярно-альпийский ботанический сад возглавляемый Н.А. Аврориным, функционировавший в течение военных лет в г.Кировске в целях научного обеспечения прифронтовой зоны Заполярья, где оставались предприятия (и создавались новые) для обслуживания нужд фронта. В условиях войны ученые Кировского стационара Базы разработали и внедрили технологию переработки местных растений на соки, сиропы, повидло без сахара, обеспечив нужды госпиталей и прифронтового населения Кировского района, а также на научной основе заготавливая сборы лечебных трав и витаминосодержащих ягод. В 1943 г. по призыву Мурманского облисполкома о расширении научных исследований на Кольском полуострове при Кировском стационаре была образована лаборатория биохимии и физиологии растений, а затем и Кировское отделение Геохимической лаборатории Базы АН СССР по изучению Севера. Специалист в области гидрологии, метеорологии и климатологии И.К.Тихомиров, возглавлявший Климатологический отдел Кольской базы в 1935-1938 гг., а в 1938-1946 гг. - гидрометеорологическую службу комбината «Апатит», в годы Великой Отечественной войны обеспечивал в г. Кировске водоснабжение промышленных предприятий прифронтового г. Кировска.

Хотя комбинат «Апатит» был эвакуирован, в труднодоступных для авианалетов немецких самолетов шахтах Хибин оставшиеся цеха в кратчайшие сроки перестроились на выпуск боеприпасов и вооружения. И здесь кольские ученые поставили свои знания на «военные рельсы». Ведущим производством прифронтовой зоны стал опытный химический завод, производящий фосфор, огнесмесь «КС» и гранулированный фосфор. Уже в 1942 г. поставки военной продукции были налажены в диапазоне от Мурманска до Сталинграда. Только в 1942 году из кировских цехов было доставлено Карельскому, Ленинградскому, Калининскому и Сталинградскому фронтам, а также Северному военно-морскому флоту: 180221 бутылка с «КС»; 67444 ампулы АЖ-2 и АС с «КС»; 306 бочек с «КС» общим весом 43120 кг; 34625 банок с гранулированным фосфором. В фантастически сжатые сроки - за 28 дней - работники кировских цехов, не имея чертежей на руках, спроектировали заново и построили электропечь, дающую 300 кг фосфора в день. Кроме того, кировчане-призывники уходили на фронт, имея на руках оружие местного производства: автоматы ППШ, запасы патронов и гранат, оснащенные горючей смесью для зажигательных снарядов, произведенными в цехах комбината «Апатит» [10].

В январе 1944 г. по ходатайству Мурманского обкома ВКП(б) перед правительством СССР о восстановлении Кольской базы АН СССР им. С.М. Кирова на прежнем месте – в г. Кировске Мурманской области при поддержке президента АН СССР академика Комарова, распоряжением СНК СССР от 15.04.1944 № 8153-Р Кольская база была восстановлена и в августе 1944 г. вернулась в Кировск. Решение о воссоздании Кольской базы АН СССР на территории Мурманской области было продиктовано самой жизнью: наличие железных руд на Кольском полуострове требовало серьезного научного обоснования проекта создания металлургической базы в северо-западном районе страны, необходимость которого обсуждалась 13 ноября 1944 г. в ходе личной встречи президента АН СССР В.Л. Комарова с главой государства И.В. Сталиным. Перед Академией наук был поставлен ряд научных задач поиска и исследования полезных ископаемых территорий [11].

Послевоенный восстановительный период Кольской науки проходил одновременно с кадровыми потерями и переменами: в мае 1945 г. не стало бессменного руководителя Кольской базы АН СССР академика А.Е. Ферсмана, Базу поддержал и возглавил академик Д.С. Белянкин.

Первая послевоенная закрытая расширенная Сессия ученого совета Кольской базы им. С.М.Кирова АН СССР, проходившая в Кировске с 10 по 15 июня 1948 г., стала событием,

ознаменовавшим конец периода восстановления научно-хозяйственной жизни Мурмана и начало вступления в новый период развития экономики. Мурманская область нуждалась в научном обеспечении активно развивающихся железорудной и горнодобывающей промышленности, базирующихся на освоении руд Ены и Оленегорска; начал действовать Печенгский никелевый комбинат, уничтоженный во время войны. Предприятия остро нуждались в новых источниках сырья, и геологам предстояло найти их.

Первенец индустриализации Мурмана - комбинат «Апатит» – получил правительственное задание: за два года вдвое увеличить выпуск концентрата по сравнению с выпуском в 1947 году; назрела серьезная необходимость идти не только по пути расширения производства на комбинате, но и по углублению его технологии; впервые встал вопрос о проблеме «хвостов апатитового производства» и возможности на базе горнорудного предприятия с обогатительной фабрикой «постепенно, последовательно и настойчиво организовывать у себя производство различных химических продуктов, многие из которых дефицитны в стране». Первый секретарь Мурманского обкома ВКП(б) А.М. Кутырев, нацеливая ученых на приоритеты новой жизни послевоенного периода Мурмана, сказал: «Мы рассчитываем, что возникнут и новые проблемы, подсказанные дальнейшим изучением недр области. Математические формулы со многими неизвестными не подходят для геологии, но чем больше мы будем знать, тем больше удастся восполнить пробелы между изученным и неизученным, ибо по современным геологическим данным даются прогнозы о возможности нахождения новых полезных ископаемых. Прав был А.Е. Ферсман, когда сказал, что главное достоинство передовой научной работы заключается в ее способности предвидеть и предсказывать, направлять искания на определенные пути, намечая будущее» [12].

Научное сопровождение освоения природных ресурсов Кольского Севера в новом послевоенном периоде второй половины XX века кольские ученые осуществляли уже в формате Кольского филиала АН СССР.

Источники и литература

1. Соловьев П.В. Освоение Хибин и создание апатитовой промышленности в СССР. «Вопросы истории», № 2. М.1958. С.45-59

2. Соловьянов Г.Н. Научная база Кольского промышленного комплекса / «Опыт научного обслуживания одной новостройки». Материалы конференции по научно-исследовательской работе при НКТП. Ленинград, 1932. С.10.

3. Самарин А.В. Сотрудничество ученых Кольского и Коми научных центров в 1941-1991 гг. /Геология и стратегические полезные ископаемые Кольского региона. Труды IX Всероссийской (с международным участием) Ферсмановской научной сессии, посвящённой 60-летию Геологического института КНЦ РАН. Апатиты, 2-3 апреля 2012 г. / Ред. Ю.Л. Войтеховский. – Апатиты: Изд-во К & М, 2012. С.44-49

4. Соловьянов Г.Н. Конъюнктура фосфатных рынков и некоторые экономические моменты проблемы хибинского апатита. «Хибинские апатиты». Л. 1930. С. 281 - 283).

5. Ферсман А. Е. Апатито-нефелиновая проблема Хибинских тундр. Л. 1929. С. 24.

6. Петров В.П., Макарова Е.И. «С.М. Киров в истории освоения Кольского края» «Тиетта». Международное периодическое издание ГИ КНЦ РАН и КО РМО (ISSN). № 4(30)]. Апатиты. 2014. С.30-37.

7. Ферсман А. Е. Апатито-нефелиновая проблема Хибинских тундр. Л. 1929.

8.Ферсман А.Е. «Успехи Хибин – дело Кирова». «Ленинградская правда» от 30 декабря 1934 г.

9. Макарова Е.И., Токарев А.Д., Петров В.П. Академик А.Е. Ферсман в истории Мурманской области (1920-1945) //Материалы II областной научно-практической конференции, посвященной 75-летнему юбилею Мурманской области. Кировск, 2013. С.33.

10. Макарова Е.И. Апатитско-Кировский район в годы Великой Отечественной войны: история по архивным документам. Кольский Север в XX-XXI вв.: культура, наука,

история. Сборник статей. ЦГП КНЦ РАН. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН. 2009. С.144-150

11. Макарова Е.И., Петров В.П., Токарев А.Д. Хроника послевоенного развития академической науки на Кольском Севере: от КБАН до КФАН СССР (1944-1949) //Труды Кольского научного центра РАН, Гуманитарные исследования, 4/2016 (42), Вып. 10. Апатиты. 2016. С.29.

12. НА КНЦ РАН. Ф. 1, Оп. 22. Д. № 23. Л. 43

Пивоварова Татьяна Викторовна – начальник отдела научно-справочной и информационной работы государственного архива Мурманской области в г. Кировске

Информационное значение документов архивного фонда Кандалакшского волисполкома

В архивных фондах государственного архива Мурманской области в г. Кировске документальные материалы, отложившиеся в деятельности советских государственных учреждений, составляют довольно значимую и большую по объему часть. Хронологические рамки почти всех этих фондов начинаются с 1930-годов, когда развернулось широкомасштабное освоение и развитие Центральных и Южных районов Кольского полуострова.

В нашем архиве есть 2 фонда органов местного самоуправления 1920-х годов. Это фонд Ловозерского волисполкома и Кандалакшского волисполкома, которые до настоящего времени не попадали в поле научных интересов исследователей. А между тем они содержат чрезвычайно много интереснейшего материала, повествующего о жизни этих территорий в первые годы после установления Советской власти на Мурмане.

Сегодня мы предлагаем Вам познакомиться с содержанием документальных материалов архивного фонда Кандалакшского волостного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и рыбацких депутатов и его исполнительного комитета Кандалакшского района Карельской АССР.

Для начала немного из истории административно-территориального деления Кандалакшской волости. Кандалакшская волость Кемского уезда Архангельской губернии самостоятельно существовала с 1886 г., когда выделилась из состава Ковдской волости. Декретом ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 04.08.1920 Ковдская и Кандалакшская волости были включены в состав Карельской Трудовой Коммуны, в 1923 г. преобразованной в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику.

В связи с декретом ВЦИК от 29 августа 1927 года в СССР была проведена административная реформа. Волости и уезды заменялись одним звеном — районом, а вместо губерний вводились области и края. В соответствии с постановлением «О районировании Автономной Карельской Советской Социалистической Республики» — вместо 7 уездов и 55 волостей в АКССР было образовано 26 районов, в том числе Кандалакшский район, с центром в с. Кандалакша, в который вошли Кандалакшская и Ковдская волости, а также деревня Кюрела Кестенгской волости.

Однако, являясь частью Кольского полуострова, Кандалакшская волость в хозяйственном плане была ближе к Мурманску, чем к находящемуся в тысяче верстах от неё Петрозаводску. Авторы проекта районирования Мурманской губернии в 1922 г. отмечали, что «фактически и теперь Кандалакша живет с Мурманском единой жизнью и отрезана от него искусственной губернской границей, ибо на Съезды Советов, на партийные конференции Кандалакша шлет своих депутатов не в Петрозаводск, а в Мурманск; даже налоги Кандалакшская волость вносит в кассу Мурманского финотдела».

Таким образом, существование Кандалакшского волисполкома связано с административно-территориальным делением, и в 1927 году, с образованием Кандалакшского района, его деятельность прекращается.

Хронологические рамки архивного фонда Кандалакшского волисполкома ограничены 1920-1927 гг., т.е. в фонде отложились документы за весь период его действия.

Волостные Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, являлись высшим органом власти на территории волостей и создавались для руководства всеми сторонами общественной жизни на подведомственной той или иной волости территории. Волисполкомы сосредоточили в своих руках руководство всеми сторонами местной жизни в волостях, развитием сельского хозяйства, продовольственным делом, транспортом, политической, хозяйственной и культурной жизнью в волостях.

Главными задачами, которые решали волисполкомы были:

- укрепление Советской власти, организация и объединение сельского пролетариата, деревенской бедноты и среднего крестьянства вокруг Советов; борьба с паразитическими элементами;

- охрана революционного порядка в пределах волости, предупреждение и борьба с контрреволюционными выступлениями и уголовными преступлениями;

Решение этих задач было важным для Кандалакшского волисполкома, т.к. политическая обстановка в эти годы в республике была достаточно сложной. Архивные документы содержат многочисленные свидетельства об этом.

Приметой того времени было проведение многочисленных собраний жителей волости. Поражает не только количество проведенных собраний, но и вопросы, которые рассматривались на них. Буквально за один неполный месяц 5 членов комячейки провели 4 партсобрания, комсомольцы – 1, состоялось 3 общих собрания граждан Кандалакшской волости. Рассматривались и разбирались такие вопросы, как международное и внутреннее положение Советской республики, свержение самодержавия, 4-летие Рабоче-крестьянской Красной Армии, последние события Карелии и ликвидация банд.

В поле зрения властей в первую очередь входило настроение крестьянства и отношение к Советской власти, большое внимание уделялось и деятельности духовенства. С целью выявления бывших офицеров и всех священнослужителей срочно требовали составить списки и направить их секретными пакетами. Каких только списков не требовали предоставить в различные учреждения Кемского уезда! Это, например, именные списки служащих Мурманского краевого отделения ПЕПО – Кандалакшского района (Петроградское единое потребительское общество), служащих «Северлеса», которые следовало направить в течение 48 часов со дня получения указания в Кандалакшский район ГПУ и др.

Кроме того, для установления контроля над социальными группами людей разных национальностей и вероисповеданий составлялись списки латвийских, польских, эстонских, болгарских и китайских граждан, проживающих на территории Кандалакшского волисполкома. Надо отметить, что национальный состав кандалакшан был в то время довольно пестрым.

Многочисленные циркуляры, направленные в волисполком, охватывают практически все стороны общественной жизни, в том числе и антирелигиозной. Начавшееся в 1920-е годы повсеместное закрытие церквей вызывало большое недовольство среди верующих. Центральный исполнительный комитет Карелии призывает волисполкомы при решении таких болезненных вопросов проявлять особое внимание и такт: «Производить же закрытие церквей без согласия верующих нецелесообразно. Это может вовлечь изменение отношения населения к Советской власти и местным органам власти… Подобного рода вопросы необходимо предварительно согласовывать с ГПУ» (письмо от 12.11.1923). Также представителям власти рекомендовано избегать частого массового переучета культового имущества храмов, производства обысков и арестов во время молитвенных собраний или совершения религиозных обрядов. В целях скорейшего искоренения религиозных

предрассудков населения и в силу тактических соображений воздержаться от отрицательного отношения к тем служителям культа, кто решил снять сан священника и поступить на советскую службу. Оказывается, были и такие. Правда, фамилии таких лиц не называются. Гонение на церковь еще не достигло своей высочайшей точки. Пройдет немного времени – и практически все здания церквей, находящихся на территории Кандалакшского волисполкома, будут использованы совсем в других целях.

В число политически нелояльных, неблагонадежных граждан относились и так называемые карбеженцы, то есть те граждане, которые в 1921-1922 гг. после Карельского восстания, ушли на территорию Финляндии.

Карельское восстание началось с выступлений против отрядов продразверстки, которые у населения фактически отнимали последнее. У людей был выбор: или умирать от голода, или что-то пытаться предпринимать. Поэтому они начали зверски убивать комиссаров, вспарывали им животы, засовывали в них зерно и топили в озерах, болотах. Это вызвало ответную жестокую реакцию властей. Начавшееся восстание против новых властей быстро было подавлено. Примерно 2500 карелов бежали после восстания в Финляндию.

После объявления ВЦИК РСФСР 30 апреля 1923 г. «Амнистии карельским беженцам» более половины беженцев вернулись назад. По поводу порядка возвращения карбеженцев и об использовании имущества их, оставленного ими при уходе в Финляндию, в местные органы власти направлялись предписания с грифом «Секретно». Ясно, что возвращались беженцы туда, где проживали их родные и близкие. И на общих собраниях граждан поднимались вопросы, связанные о степени виновности или невиновности того или иного карбеженца. И тут же следует указание сверху: «Во избежание могущих быть на местах по этому вопросу неясностей Кемский уездисполком разъясняет, что отзывы общих собраний граждан в деле представления персональной амнистии карбеженцам, решающего значения при обсуждении таких вопросов иметь не могут, и в особенности в отношении тех беженцев, кои были активисты в карельскую авантюру». Обратите внимание на слово «персональной» амнистии. Практически каждый карбеженец прошел проверку в фильтрационных лагерях и был поставлен на оперативный учет в ГПУ. Было дано указание их не трогать в соответствии с тем обещанием, которое дала Советская власть этим людям при амнистии. Но в 1930 году начался пересмотр их дел, в результате часть из них расстреляли, часть выслали на поселение, часть приговорили к различным срокам тюремного заключения.

Кандалакшскому волисполкому приходилось решать вопросы организации и развития кооперации, налогообложения, распределения рыбных участков, тоней жителям Кандалакшской волости, заниматься организацией помощи инвалидам.

Доклады и различного рода отчеты дают нам представление о политическом, экономическом и санитарном состоянии Кандалакшской волости.

Вот перед нами доклад Кандалакшского волвоенкома за март 1922 года. Обратите внимание на штамп письма члена Кандалакшского волисполкома в Кемский учвоенревком с грифом «СЕКРЕТНО». Читаем: «Р.С.Ф.С.Р. Карельская трудовая коммуна. Кандалакшский волостной исполнительный комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов». Подписан доклад заместителем предволвоенкома тов. Рогозеровым. В отношении политического состояния он отмечает, что «взаимоотношения местного населения с красноармейцами хорошие. Контрреволюционной агитации и выступлений нет. Дезертиров фронта и труда нет… Новую экономическую политику население уяснило удовлетворительно». Далее товарищ Рогозеров отмечает: «В волости организован районный кооператив. При организации его население шло сознательно навстречу. Рыбьи участки распределены на началах новой экономической политики. Население во всех отношениях энергично работает и готовится к весенней компании охоты и ловли».

Из этого же отчета мы узнаем, что в Кандалакше 12 марта 1922 г. начала свою работу комиссия по проведению недели помощи Красной армии. За этот период поставлен 1 бесплатный спектакль для красноармейцев, проведен митинг, на котором присутствовало 350 человек красноармейцев. Комиссией собрано 1604300 рублей, 11 аршин мануфактуры, 1

гимнастерка и 1 шаровары. Сбор продолжается. Всё, что поступило, направлено в г. Кемь. Кроме того, указано, что «урегулирован жилищный вопрос красноармейцев, расположенных в Кандалакшской волости, как в бытовом, так и гигиеническом отношении: организована стирка белья и пропуск через бани. Двухнедельник помощи голодающим начат с 26-го марта, есть уже кое-какие поступления».

Вообще количество всевозможных отчетов, которые должен был представлять волисполком, поражает. Так, в Политбюро Кемской уездной милиции информационные сводки должны были давать два раза в месяц 15 и 30 числа. Следовало направлять сведения по определенной форме.

О том, как решался вопрос по расселению красноармейцев, красноречиво говорит другой документ – прошение Петра Ярусова, гражданина села Кандалакши Кемского уезда Архангельской губернии, направленное уполномоченному главного управления по топливу в марте 1922 г.: во время службы Ярусова (имеется в виду служба в качестве уполномоченного по топливной работе на Мурманской ж.д.) имущество, принадлежавшее ему, не раз отбирали. Была отобрана часть мебели, все жилые комнаты отведены под квартиры воинских частей, а он с членами семьи проживал на кухне. Можно себе представить, как это семья из 7 человек, в которой проживают сын-калека 26 лет, потерявший свою трудоспособность на службе в Красной Армии, сыновья 20 и 14 лет, две дочери 4 и 6 лет, ютилась в небольшой кухне. Кормилец в семье – один Ярусов, которому 56 лет (жена по понятным причинам не работает). Думается, что ***хорошие*** взаимоотношения местных жителей и красноармейцев, как об этом пишется в отчете, вызывают большое сомнение.

За рамками нашего выступления остались документы, касающиеся вопросов налогообложения, передела земли, лесозаготовительных работ.

Но даже такой беглый анализ архивных документов рассматриваемого фонда позволяет сделать вывод, что неопубликованные документы делопроизводственного характера (доклады, докладные записки, предписания, циркуляры и др.) помогают воссоздать события и факты в истории Кандалакшского района в 1920-е годы.

Саморукова Антонина Григорьевна – научный сотрудник Центра гуманитарных проблем (ЦГП) Кольского научного центра Российской академии наук, г. Апатиты

Научно-просветительская деятельность Северного филиала Географического общества СССР: К 70-летию образования

В 1845 г. в Санкт-Петербурге было основано Императорское Русское географическое общество (ИРГО)– одно из старейших географических обществ мира.
Руководящую роль в организации Географического общества сыграли Академия наук и военно-морские ведомства Российской империи.

Вице-председателем Общества был избран известный мореплаватель Ф.П. Литке и фактически оставался его главой более 20 лет. Председателем Общества с 1945 г. являлся Великий князь Константин Николаевич.

По определению В.И. Даля, задачами Географического общества являлись: «… распространение в Отечестве нашем вместе с основательными сведениями вкуса и любви к географии, статистике и этнографии».

Общество объединяло российских учёных, путешественников и исследователей, организовывало экспедиции, которые сыграли большую роль в освоении Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии, Мирового океана, в развитии мореплавания, открытии и изучении новых земель. Со временем Общество стало центром, где обсуждались результаты экспедиций, читались специальные доклады и популярные лекции, велась просветительская и издательская деятельность.

Начиная с XIX в., ИРГО организовало исследования на Кольском полуострове. Известны экспедиции мореплавателя Ф.П. Литке, географов В.Ю. Визе и Н.В. Кудрявцева, зоолога Н.М. Книповича, этнографа Н. Н. Харузина.

В советское время работа Общества, которое в 1917 г. получило название Русское Географическое общество, продолжилась в несколько изменённом виде. Деятельность Общества сосредоточилась на относительно небольших, но глубоких и всесторонних региональных исследованиях. Примером служит возобновление в 1927 г. на Кольском полуострове этнографических исследований под руководством антрополога профессора Д.А. Золотарёва.

В1940-х гг., когда значительно расширилась география региональных отделений Общества, подобные отделения возникли на Европейском Севере: Архангельский центр в 1944г., в 1945 г. – Карельское отделение Общества.

В те же годы недостаточная географическая изученность Кольского полуострова побудила Кольскую базу АН СССР, которая после реэвакуации из Сыктывкара находилась в г. Кировске, взять на себя инициативу по организации «живой научной связи между работниками учреждений, изучающих природные богатства Мурманской области, и местными работниками краеведения».

С этой просьбой Кольская база обратилась в бюро Мурманского обкома ВКП(б) [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 184-а. Л. 13]. Получив согласие, возбудила ходатайство перед Географическим Обществом СССР об организации Мурманского отдела. Ходатайство было удовлетворено, и в августе 1947 г. Мурманский отдел Географического Общества СССР начал работу, образовав ядро из научных сотрудников Кольской базы с широким привлечением в свои ряды жителей г. Кировска. Председателем Мурманского отдела Географического Общества СССР был избран заместитель директора Кольской базы АН СССР доцент Ф.М. Терновский, ученым секретарем – к.г.н. И.К. Тихомиров, состоящий членом общества с 1916 г. В конце августа того же 1947 г. Мурманский отдел Географического Общества организовал в Кировске конференцию мурманских краеведов.

В начальный период основная деятельность Мурманского отдела была сосредоточена на просветительской деятельности в форме докладов на научно-географические темы. Регулярные выступления в печати членов Отдела были представлены как статьями по специальности в научной печати, так и заметками в газетах города и области. Тогда же был организован клуб географов-путешественников. По местному радио передавались заседания клуба, на которых выступали с сообщениями о своих путешествиях действительные члена общества.

В 1950 – начале 1960-х гг. Мурманский отдел проводил активную работу совместно с Кольским филиалом АН СССР. Об этом свидетельствуют отчёты отдела Общества, которые включались в годовые отчёты КФАН. Например, из отчёта Отдела за 1961 г. следует, что в 1961 г. Мурманский отдел объединял около 100 чел. Свою основную задачу Отдел по-прежнему видел в научно-просветительской деятельности, которая проводилась в виде общих собраний и лекций для членов Отдела и населения, выступлений по радио и в периодической печати. Отдел принял активное участие в работе Кировского городского Общества охраны природы и выступил в качестве инициатора постановки вопроса о необходимости охраны ряда природных объектов Мурманской области [НА КНЦ РАН. Ф.1.Оп.6.Д.585. Л. 101].

Наиболее крупным мероприятием и событием в работе Отдела в 1960 г. явилось участие в работе III съезда Географического общества СССР в Киеве, на котором была организована выставка, отражающая природные ресурсы, полезные ископаемые Кольского полуострова и деятельность Мурманского отдела Географического общества. Выставка сыграла важную роль в деле контакта с различными представителями географической науки и в обмене географическими знаниями среди географов различных научных направлений.

Началом периода наибольших достижений в работе географов и краеведов Европейского Севера следует считать 1968 г., когда был образован Северный филиал Географического общества (СФГО) СССР на базе КФАН. В него вошли члены Географического общества Карельской АССР, Архангельской и Мурманской областей. Созданию СФГО предшествовала организация самостоятельных отделов в Мурманске, Североморске, Кандалакше. Шёл процесс организации отделов в Ковдоре, Ёне, Мончегорске, Дальних Зеленцах. Объединение их с отделами Архангельской области и Карелии и явилось базой Северного филиала Географического общества СССР. Принять участие в его работе могли все, кто интересовался различными географическими вопросами, природными явлениями или краеведением: сотрудники академических институтов и моряки, геологи и учителя школ, работники заповедников, промышленных предприятий, туристы. Председателем президиума – руководящего органа СФГО – был избран д.г.н. И.Л. Фрейдин.

Пропаганда географических знаний и географическое просвещение являлось одной из приоритетных задач Северного филиала, которая решалась совместно с обществом «Знание». Для учителей Кировска был разработан и прочитан специальный курс лекций о природе Мурманской области; изготовлена серия фотоиллюстраций для уголков географии и краеведческих кружков школ Ковдора, Кировска, Апатитов, Североморска; подготовлено методическое пособие для учителей и краеведов области.

Поскольку одним из наиболее оперативных способов обмена взаимной информации и мнениями являются совещания, СФГО стал организатором научных конференций, первая из которых состоялась в декабре 1967 г. в Апатитах, (когда СФГО ещё имел название Кольского отдела ГО), научные конференции, совещания и семинары продолжали свою работу до начала 1980-х гг.

Президиум СФГО рассчитывал на активное участие в научных мероприятиях членов общества, ведущих исследования на Севере, вне зависимости от местожительства и размещения тех организаций, в которых они работают. В конференциях принимали участие члены Географического общества, работавшие в Кольском и Карельском филиалах АН СССР, Петрозаводском государственном университете, Мурманском и Архангельском пединститутах, ПИНРО (Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии имени Н. М. Книповича), Кандалакшском и Лапландском государственных заповедниках, комбинате «Апатит», Ленинградском отделении института археологии АН СССР и др.

Материалы конференций представляли интерес для естествоиспытателей и географов самого широкого научного профиля, инженеров, экономистов и других специалистов различных отраслей хозяйства Севера. Статьи участников конференций публиковались в сборниках СФГО «Природа и хозяйство Севера», первый из которых вышел в 1969 г. второй – в 1970 г. Сборник издавался до 1988 г., когда вышел последний 16 выпуск.

Сборники включали статьи по физической географии, биогеографии, географии сельского хозяйства, водного транспорта, медицинской географии, палеогеографии и геологии, океанологии и климатологии. Освещались различные стороны природных условий Кольского полуострова и сопредельных районов северных морей и западного сектора Арктики, экономические проблемы по рациональному природопользованию минеральными и сырьевыми ресурсами этих районов, а также отрицательное воздействие природных и антропогенных факторов на деятельность человека на Севере. Часть статей содержала практические рекомендации для промышленности, сельского хозяйства и мореплавания. С географических позиций рассматривались вопросы охраны здоровья человека в условиях Крайнего Севера. Активную издательскую деятельность проводили отделы СФГО: Североморский отдел общества издал книгу о морских врачах-исследователях Русского Севера, Кольский отдел – книгу «У подножия Хибин», рассказывающую о природе и экономике района Кировска и Апатит, в 1975 г. вышел в свет школьный учебник «География Мурманской области».

Душой СФГО и его руководителем в 1970-х гг. был к.г.н. Б.И. Кошечкин, заведующий лабораторией Геологического института КФАН. Геолог и географ, писатель и организатор, подвижник научно-общественной деятельности он прекрасно знал историю научных исследований на Европейском Севере. И вместе с тем обладал удивительной способностью собирать вокруг себя таких же увлечённых Севером людей.

Эффективная деятельность профессиональных и просветительских обществ, в том числе и СФГО, могла быть реализована лишь при поступлении достаточных денежных средств от фондов, частных инвесторов, финансовых, производственных и государственных организаций.

В те годы СФГО имел официальное право принимать в свои ряды коллективных членов – заводы, комбинаты, горнорудные, строительные, рыболовные и другие предприятия, которые могли передавать СФГО значительные суммы. Таким образом, деятельность СФГО в достаточно крупных размерах финансировалась не столько индивидуальными членами, сколько членами-коллективами. Коллективными членами общества являлись комбинат «Апатит», Ковдорский ГОК, институты КФАН, Кольское районное геологоразведочное управление, Онежский тракторный завод и др. Эти организации, как правило, были заинтересованы в решении вопросов взаимодействия природной среды и промышленных предприятий. Работа по охране природы проводилась

Северным филиалом совместно с Обществом охраны природы, объединяя в своём составе специалистов самых разных направлений.

Особым образом выглядело сотрудничество СФГО с военным Северным флотом, который по понятным причинам не мог выделять для Филиала денежные средства. Но Северный флот оказывал неоценимую поддержку, оказывая помощь наземным, морским транспортом в доставке к местам экспедиций и ценных экспонатов для музея [Предовский , 2005].

Рост народного хозяйства Европейского Севера вызывал широкий размах разносторонних исследований производительных сил. В изучении природных условий и хозяйства принимало участие Географическое общество СССР и, в частности, его Северный филиал. В 1960-е гг. комплексные исследования естественных ресурсов проводились на территории Карельской АССР, Архангельской и Мурманской областей. В их географическом положении, истории освоения и специализации народного хозяйства много общего. Был организован ряд экспедиций по разработке географических основ природоохранных мероприятий в регионах Европейского Севера СССР; Дальнезеленецким отделом осуществлён комплекс работ по изучению реликтового озера Могильного и даны рекомендации по его охране. Кандалакшский отдел выполнял работы географо-орнитологической экспедиции по изучению мест гнездования редких и ценных в хозяйственном отношении водоплавающих птиц. Мончегорским отделом проведены работы по оценке влияния промышленного комплекса «Североникель» на окружающий ландшафт.

В 1974 г. в Апатитах был открыт Музей-архив истории изучения и освоения Европейского Севера России, в создании которого приняли участие сотрудники КФАН СССР, члены Географического общества. Музею принадлежала огромная роль в географическом просвещении посетителей в ознакомлении их с достижениями науки в различных сферах, историей заселения и освоения Кольского Севера, а также с научно-исследовательской деятельностью в регионе, начиная с XIX в. [Пация, Шабалина, Травин, 2012].

Значение деятельности Северного филиала Географического общества усиливается тем, что в структуре Кольского филиала АН СССР (с 1988 г. - Кольского научного центра) не было ни одного гуманитарного подразделения. СФГО в значительной мере закрывал нишу гуманитарных исследований, приглашая специалистов для совместных археологических, этнографических экспедиций в регионе. СФГО оказывал организационную и финансовую помощь изысканиям Института археологии АН СССР по изучению древних мест обитания саамов и истории Трифоно-Печенгского монастыря. Организовал экспедицию на о. Большой Аникиев Баренцева моря – достопримечательность Русского Севера, где сохранилась плита с надписями мореплавателей XVI-XX веков [Кошечкин, 1981]. В Апатитах Филиалом совместно с Институтом истории, языка и литературы Карельской АССР проводились региональные конференции по вопросам истории, этнографии, языкознания, географии народов Европейского севера.

Таким образом, деятельность Северного филиала Географического общества осуществлялась в направлении, соответствующем Уставу Географического общества СССР, и сочетала лекционно-просветительскую, исследовательскую и издательскую деятельность.

Использованный источники:

Архивные материалы

Научный архив Кольского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 6. Дд. 184-а, 492, 538, 585, 626

Литература

Кольский научный центр. Летопись 1930-2010. Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2011. 320с.

Кошечкин Б.И. Имена на скале. Архангельск, 1981. 46 с.

Пация Е.Я., Петров В.П. Сохранение научного и культурного наследия в музеях Кольского научного центра // Природопользование в Евро-Арктическом регионе: опыт XX века и перспективы. Апатиты, 2004. С. 468-473.

Пация Е.Я., Шабалина О.В., Травин И.А. Музей-архив истории изучения и освоения Европейского Севера. Апатиты, 2012. 23 с.

Предовский А.А. Из истории и опыта СФГО в Апатитах // Материалы конференции научных обществ, посвящённой 75-летию КНЦ и Всемирному дню науки за мир и развитие. Апатиты, 2005 г. С. 102-104.

Периодическая печать

«Полярная правда» от 03.08.1947, 15.02.1958, 11.07.1969, 18.01.1980

«Кировский рабочий» от 18.03.1958, 15.11.1979

Иванова Медея Владимировна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных проблем (ЦГП) Кольского научного центра Российской академии наук, г. Апатиты

Иванова М.В.
Пация Е.Я.
Шабалина О.В.

Влияние социально-политических трансформаций конца XIX – первой половины XX вв. на традиционное домохозяйство Кольского полуострова

Акторами экономики традиционных домохозяйств на Кольском полуострове к началу XX в. являлись промысловые и сельскохозяйственные национальные группы населения, ведущие традиционную трудовую деятельность:

- коренные жители региона – саами;
- старожильческое население – поморы;
- переселенцы – финны, норвежцы, коми-ижемцы (пришли на Кольский полуостров после 1880-х гг.).

Для данного типа экономики были характерны: определенная замкнутость домохозяйств, использование местной природно-ресурсной базы, обеспечение собственного существования. Исторически, традиционная экономика базировалась на оленеводстве, ловле рыбы, охоте и прочих промыслах. Фактически экономику традиционных домохозяйств можно разбить на две группы – это экономика коренных народов и экономика этнических мигрантов (пришлого населения).

Остановимся на экономике коренных народов Кольского севера – **саами**. Их тип ведения хозяйства можно определить, как ***распределенное домохозяйство***.

Основой социально-экономической организации саамов была община и территория ее проживания, которая включала в себя места зимнего (постоянного) и сезонного (временного) проживания, а также маршруты перекочевок, родовые угодья, промысловые территории. Такой социально-территориальный комплекс, включающий в себя совокупность мест, получил название «погост».

Характерный для жизненного уклада саамов годичный кочевой цикл предопределял структуру их расселения. Весной, начиная с апреля, отдельные семьи (группы) разъезжались по своим промысловым угодьям, а к декабрю возвращались в зимний погост.

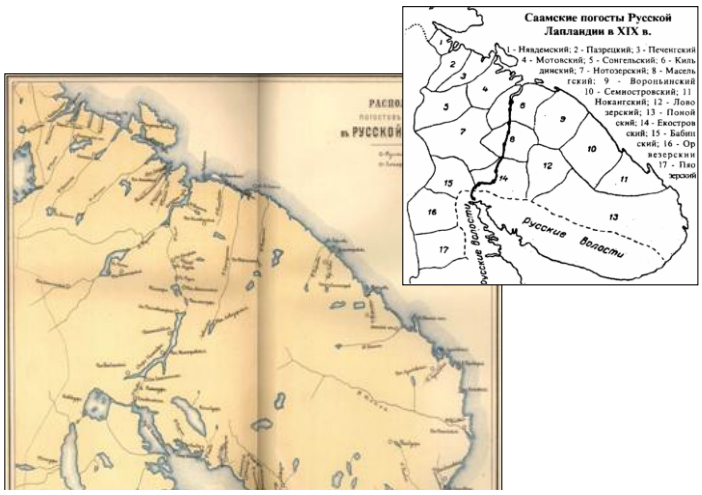


Рис.1. Расположение погостов и поселков в Русской Лапландии. Квадратами обозначены русские поселки, а овалами лопарские погосты.
Карта из книги Н.Н. Харузина «Русские лопари». 1890.
Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН

Характер хозяйственной деятельности саамов, наличие природных ресурсов, расположение зимнего основного поселения определяли в качестве основных миграции внутри погоста. Каждый погост имел четкую локацию с границами по естественным географическим ориентирам (рис. 1). «Никаких границ на местности не отмечали, но каждый знал, кому принадлежит какое-либо озеро, пролив или порог на реке» [1]. К началу XX в. на Кольском полуострове насчитывалось 18 погостов [2].

Саамская община обладала исключительным правом на природные ресурсы в пределах своей территории, **ее хозяйственно-экономическая функция** основывалась на комплексном использовании природных ресурсов, характеризовалась сочетанием рыболовства, оленеводства и охоты.

В зависимости от значения различных сфер хозяйственной деятельности для жизни сообщества менялась регулирующая роль общины. От этого зависели формы регламентации и соотношение коллективного и индивидуального в пользовании угодьями. Внутренние реки и озера обычно являлись собственностью отдельных семей и семейно-родственных групп [2]. Общинная собственность распространялась на более важные виды угодий: семужьи тони, охотничьи угодья и оленьи пастбища [3].

В.В. Чарнолуский отмечал определенные различия в формах владения сезонными пастбищами, сравнивая системы владения и использования пастбищных угодий в саамских погостах. Например, общими могли быть зимние и летние, а осенними (а в отдельных погостах и весенними) пастбищными угодьями владел род. Такая ситуация описана им у кильдинских, мотовских и семиостровских саамов, и была связана, скорее всего, с тем, что пастбища находились вокруг озерных тоней с наследственным правом владения у этих групп саамов [4].

Можно сказать, что погосты, выражаясь современным языком, имели экономическую (хозяйственную) специализацию (таблица 1). Например, Вороненский погост имел 6 морских тоней, где летом вороненские саамы промышляли треску и палтус, и 10 тоней на реках и озерах во внутренних районах Кольского полуострова для вылова семги и озерной рыбы [5].

Значительное место занимала охота на песца. Семиостровский погост хозяйствовал на 5 морских тонях, на 12 местах лова рыбы на озерах, но при этом имел в разы превосходящее по количеству голов стадо оленей.

Таблица 1. Хозяйственная специализация конца XIX века

Погосты	Олени	Семужьи тони/морские	Озерные и речные тони
Вороненский	200	6	10
Кильдинский	227	22	15
Семиостровский	830	5	12

М.С. Куропятник, исследуя социальную организацию саамов, отмечает, что для саамских погостов была характерна двухступенчатая структура общественной организации: «первую из них представлял погост, совпадающий с общим зимним поселением и включающий все его население, вторую – хозяйственные группы, на которые погост распадался на весенне-осенний период и которые можно рассматривать как субобщины» [6].

Хозяйственная модель и территориальная организация каждого погоста, а также социальная структура общины представляли собой хорошо отлаженный механизм, «имевший безусловную внутреннюю логику и взаимосвязь, позволявшую круглогодично в полной мере контролировать промысловые угодья, заниматься рыболовством и одновременно следить за оленьим стадом» [7, с. 9-11].

Интересные факты

1. Об оленях. Для саамского населения оленеводство стоит на первом месте. Олень для саама (лопаря), свидетельствовал В.В. Чарнолуский, - это все: пища, средство передвижения, запас меховой одежды и обуви, и просто средство умилостивления

божества и хранитель человеческого счастья. По саамским традициям оленя пасут в естественной обстановке в тундре без вмешательства человека, т.е. оленя скорее охраняют, чем пасут. Сформировалась целая система организации посезонного выпаса оленей. Такая форма оленеводства повлияла на кочевой образ жизни саамов.

2. Об овцах. У саамов были овцы, их использовали не для еды, а как источник шерсти. Пряли нити, делали одежду. Для овец специального помещения не было.

3. О занятости. У коренного населения была возможность дополнительного заработка, не связанного с традиционным природопользованием, например, обслуживание почтовых ям. Вороненские саамы сдавали свои сенокосные угодья в аренду русским. Занимались охраной рыболовецких становищ на берегу Баренцева моря, за каждый стан получая 3-3,5 рубля [8]. Существенный доход приносил извоз, заготовка дров.

Неоднозначные социально-экономические мероприятия российского правительства, направленные на развитие окраинных территорий государства на рубеже XIX-XX вв. неизбежно привели к вторжению в сложившуюся систему взаимоотношений между человеком и окружающей природной средой Кольского полуострова, отчуждению территорий, т.е. механизм традиционного природопользования уже в это время начал испытывать перегрузки.

Новая инициатива царского правительства, которая была закреплена «Положением о льготах, предоставляемых переселенцам на Мурманский берег» от 14 мая 1876 г., даровала особые привилегии переселенцам на Мурманское побережье.

22 ноября 1868 г. Александром II утверждено Положение Комитета Министров «О льготах для поселенцев Мурманского берега в Архангельской губернии». В соответствии с ним, русские и иностранные переселенцы на Мурманский берег получали права, которые имели жители поморских районов Архангельской губернии в отношении торговли с Норвегией. Им же предоставлялась привилегия занятия торговлей и промыслами без получения установленных свидетельств в течение 6 лет, а также беспошлинного привоза для собственного употребления и для продажи в колониях «мануфактурных и других товаров». Каждая поселившаяся на Мурмане семья могла получить государственную ссуду в размере от 50 до 150 руб. с рассрочкой платежа на 6 лет. Для облегчения адаптации иностранцев к российским условиям им было предоставлено право подавать на родных языках все прошения и объявления. Действие Положения 1868 г. фактически было продлено принятым 14 мая 1876 г. Высочайшим Положением «О дарованных льготах для поселенцев на Мурманском берегу». Новый закон сохранял старые и вводил новые привилегии переселенцам. На неопределенное время для мужчин приостанавливалась воинская повинность; колонисты освобождались от платежа государственных податей и отбывания денежных и натуральных повинностей сроком на 10 лет; на 6 лет продлевалось их право заниматься торговлей и промыслами без свидетельств и билетов. Положение обязывало всех иностранных переселенцев принимать подданство России.

В результате колонизационных усилий правительства жители Кильдинского погоста, например, потеряли значительную часть своих угодий. В том числе важные в хозяйственном отношении семужьи тони, которые располагались на территории поселения финских колонистов к западу от Кольского залива [9].

8) Всѣ изъясненныя льготы распространить и на кочующихъ лопарей, изъявившихъ желаніе принять осѣдлось на Мурманскомъ берегу, въ томъ числѣ и выдачу имъ денежныхъ ссудъ на первоначальное обзаведеніе.

Рис. 2. Фрагмент Высочайшего Положения «О дарованных льготах для поселенцев на Мурманском берегу» от 14 мая 1876 г. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 30. Л. 2. [10]

Саамам тоже предлагали льготы, если они переходили на оседлость, живя постоянно в колониях. Пользовались льготами те, кто постоянно нанимался охранять становища [10].

Переселение коми-ижемцев, начавшееся в 1886-1887 гг., в центральные районы Кольского полуострова продолжалось вплоть до 1930-х гг. и стало серьезным испытанием для традиционной экономики и культуры саамов. По мнению В.В. Чарнолуского, с этого момента саамская оленеводческая система «вступила в критическое состояние» [4].

Экономическая модель переселенцев коми-ижемцев характеризовалась первостепенной ролью оленеводства, которое носило коммерческий характер и допускало, в том числе, оседлый тип поселений. Коми-ижемцы имели молочный скот, огороды. Коренное население (саамы) не занималось животноводством и растениеводством. Осваивая новые территории, этнические мигранты неизбежно переносили свою хозяйственную культуру в новый ареал обитания, тем самым повышая экономическую и экологическую напряженность в нем. Сосуществование на Кольском полуострове двух форм оленеводства с принципиально различными методами у саамов и коми-ижемцев, тем не менее, стало возможным в силу того, что каждая из них обладала способностью переориентироваться в зависимости от изменяющихся природных условий и разного рода внешних воздействий [7 , с. 25].

Начавшееся в 1915 г. строительство железной дороги на территории Кольского полуострова нарушило целостность отдельных саамских погостов и способствовало оттоку коренного населения с территорий, непосредственно примыкающих к Мурманской железной дороге. Изменив традиционный уклад хозяйствования, это предприятие для некоторых групп саамов было экономически выгодно. Например, кильдинские саамы заготавливали и доставляли дрова для нужд строительства и функционирования железной дороги [11].

После известных событий 1917 г. на начальном этапе социалистических преобразовании и вплоть до 1930-х гг. вопрос перевода кочевого населения Севера на оседлость государством не форсировался, а правительственная программа в области национальной политики, апробированная на X (март 1921 г.) и XII (апрель 1923 г.) партийных коммунистических съездах, призванная ликвидировать «политическую, социально-экономическую и культурную отсталость ранее угнетенных народов», признавала необходимым развитие местных национальных отраслей экономики - оленеводства, охоты, рыболовства, призывала учитывать вековые традиции кочевания, являвшиеся базисом стабильности хозяйственных систем и выживания этнических коллективов в условиях Крайнего Севера [7, с. 26]. К 1926-1927 гг. по данным похозяйственной переписи на Кольском полуострове кочевало около 76% всего населения [12]. В процессе советизации северных окраинных территорий создавались простейшие производственные объединения – товарищества по совместному лову рыбы, выпасу оленей и т.д., которые практически не меняли ни структуру традиционного хозяйства, ни систему расселения и перекочевок. Более того, кочевали начальные школы, «красные чумы», «красные лодки», по национально-территориальному признаку создавались кочевые советы, просуществовавшие до 1936 г. [13].

На Кольском полуострове первые однонациональные кооперативы появились в 1927 г., при организации которых не обобществлялись олени и производственный инвентарь. В совместном пользовании находились рыболовные и охотничьи угодья, пастбища, где трудились члены товариществ. В мае 1928 г. национальная артель «Саам» была организована в Вороненском погосте. Через год, весной 1929 г. коллективное хозяйство «Оленевод» появилось в погосте Семиостровье [7, с. 27]. Непродуманность и плохая организация коллективизации в 1930-х гг. на Кольском полуострове привела к распаду созданных объединений после одного-двух рабочих сезонов, в результате чего процент коллективизации снизился с 62,5% в 1930 г. до 40% в 1932 г. Неэффективность в

организационно-хозяйственном отношении этих объединений привела к уменьшению поголовья оленей. Например, на 1 января 1932 г. в Ловозерском районе насчитывалось 33653 оленя, а на 1 января 1934 г. - 24159 оленей [7, с. 27].

Список источников и литературы

1. Викулина К. Функция древней саамской деревни: ежегодник (приложение к № 19-21). Хельсинки: Ин-т по изучению СССР в Финляндии,1970.
2. Гебель Г. Наша Лапландия. СПб. 1909.
3. Волков Н.Н. Российские саамы историко-этнографический очерк. Каутокейно: Саамский институт, 1996.
4. Чарнолуский В.В. Материалы по быту лопарей: опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л. 1930.
5. Харузин Н.Н. Русские лопари. М. 1890.
6. Куропятник М.С. Социальная организация // Прибалтийско-финские народы России. М. 2003. С.101-107.
7. Гуцол Н.Н., Виноградова С.Н., Саморукова А.Г. Переселенные группы кольских саамов. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2007. С. 9-11, 25-27.
8. Ефименко А.Я. Народные обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии. СПб. 1877.
9. Брейтфус Л.Л. Экспедиция для научно-промысловых исследований у берегов Мурмана. СПб. 1908.
10. ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.
11. Алымов В.К. Лопари Кольского полуострова // Доклады и сообщения Мурманского общества краеведения. Мурманск, 1927. Вып. 1. С. 7-22.
12. Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР. 1926/1927. М., 1929.
13. Положение о кочевых Советах и национальных округах северных окраин РСФСР. М., 1933.

Личности и их судьбы в истории Мурмана

Дюжилов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем (ЦГП) Кольского научного центра Российской академии наук, г. Апатиты

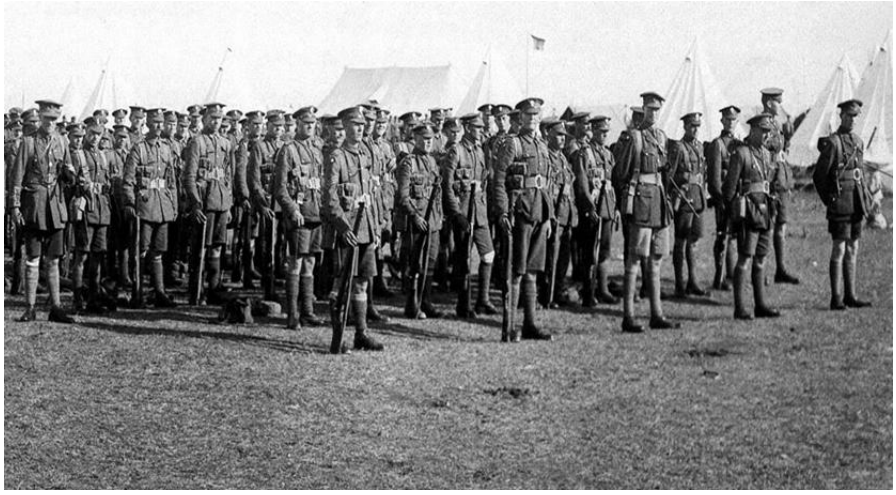
Англичане на белом Мурмане (к вопросу о "Мурманском следе" в биографии Э.Г. Шеклтона)

Личность Эрнеста Генри Шеклтона (15.02.1874 - 05.01.1922), участника четырех антарктических экспедиций, хорошо известна в Великобритании. Так, по результатам опроса, проведенном Би-би-си в 2002 г., известный английский исследователь Арктики и Антарктики занял 11 место в списке 100 величайших британцев. Отношение же к Э.Г. Шеклтону в России далеко не столь однозначное. Если в ходе своего первого визита в Петербург (1909), который состоялся на пике англо-русского сближения, Э.Г. Шеклтон встретил самый радушный прием как со стороны российской общественности (отмечен Константиновской медалью ИРГО), так и монарха (Николай II пожаловал гостю орден святой Анны), то его второе посещение нашей страны, на этот раз Севера России, в период Гражданской войны и интервенции, оставило о нем в сознании россиян весьма противоречивое впечатление. Созданный в советскую эпоху применительно к Э.Г. Шеклтону образ непримиримого врага первого государства рабочих и крестьян, а также дельца-империалиста, мечтающего превратить русский Север в британскую колонию, до сих пор вызывает споры и неоднозначные оценки.

Вопрос о военной миссии Э.Г. Шеклтона на Мурман и его коммерческой деятельности на русском Севере, как на событийном уровне, так и в плане аналитики, до сих пор остается слабо проработанным в региональной историографии. Его объективное «прочтение» для начала требует внимательного и беспристрастного изучения уже опубликованных материалов по данной тематике. Как заметил Ю.Н. Афанасьев, «мы не можем, не должны и просто не имеем права оставаться в плену обыденного сознания, незаинтересованного в поисках исторической истины».

Военная миссия Э.Г. Шеклтона на Мурман

В конце 1918 г. Э.Г. Шеклтон был направлен в Мурманск в английскую военную миссию в качестве эксперта по транспорту. Ему присвоили временное звание майора и назначили советником по вопросам снабжения, обмундирования, питания и транспортировки подвижных отрядов при штабе генерала Ч. Мейнарда, предоставив полную самостоятельность в его действиях.



По указаниям Э.Г. Шеклтона для войск интервентов изготовлялись одежда, обувь, сани, снаряжались оленьи упряжки. Свои обязанности он выполнял, по-видимому, исправно, о чем свидетельствует, в частности, запись в дневнике одного из бойцов британского экспедиционного корпуса, австралийца Джона Келли: «С приближением зимы стало ясно, что придется готовиться к продолжению войны в суровых арктических условиях. Сам Сэр Эрнест Шеклтон возглавил подготовительные работы. Он лично посетил Север России, чтобы получить информацию из первых рук и определить, какое снаряжение будет необходимым. Итогом визита стала раздача всем нам полных комплектов одежды полярных исследователей» [4].

Насколько прославленный полярник преуспел на этом поприще можно судить по воспоминаниям одного из участников Белого движения на Мурмане курьера мичмана А.А. Гефтера: «Шакельтон, посланный правительством на Север, как специалист по «полярноведению», от всей души хотел быть полезен и придумывал изобретения, то полярную шапку такой формы, как сибирский малахай, но под своим именем, то ветронепроницаемую одежду, в которой люди зябли, то сообщение на собаках устроит там, где существует сотни лет прекрасный почтовый тракт и бегут крепкие северные лошади.

Я, относившийся с уважением к имени крупного полярного исследователя Шакельтона, не мог себе уяснить, что собственно заставляло его принимать участие в оперетке. Хотел ли он своими изобретениями оправдать факт своего присутствия на Мурмане, в то время как сам присматривался к залежам угля и проверял сведения о присутствии серебра, или присматривался к рыболовству?» [5].

Об участии Э.Г. Шеклтона в карательных экспедициях, а тем более в боевых действиях, вряд ли можно серьезно говорить при отсутствии документально подтвержденных данных на сей счет. По крайней мере, автор такими материалами не располагает. Примечательно, что сам Э.Г. Шеклтон причиной своего разочарования в мурманской службе как раз и считал неучастие на полях сражений. Его первый биограф проф. Милль позднее напишет: «Но, к сожалению, возможность для вооруженных схваток не появлялась, и человек, который по своей природе был всю жизнь борцом, оказался лишен высшего счастья встретиться на поле брани с врагом своей страны» [8].

В феврале 1919 года Э.Г. Шеклтон возвращается в Лондон, но что любопытно, с готовым проектом освоения природных ресурсов Северной России в кооперации с местным белым правительством. Возникает вопрос. Не в этом ли состояла главная цель его военной миссии на Мурман?

Деятельность Шеклтона на Мурмане в качестве коммерческого агента

В работах советских историков и публицистов личность Э.Г. Шеклтона часто преподносится в качестве представителя крупного капитала, едва ли не «акулы большого бизнеса», с чем, если внимательно вчитаться в его биографию, довольно трудно согласиться. Подтверждением сказанному может служить и высказывание издателя Фредерика Паулсена: «Если не считать лекций о путешествиях, то единственным успешным в финансовом отношении проектов в жизни Шеклтона была его книга «В сердце Антарктики» [10]. И это не удивительно. Стремление к успеху и признанию в бизнесе изначально для Эрнста Генри имело, как нам представляется, свой особый подтекст. «Сколотить» капитал для своих будущих экспедиций, способствовать возвеличиванию и приумножению богатства Британской империи за счет освоения новых территорий (в частности, русского Севера), на века прославить свое имя в ее истории и истории человечества – не в этом ли состоял истинный смысл его бизнес-проектов?!

Командующий союзными войсками Антанты на Мурмане Ч. Мейнард позднее в своих воспоминаниях по этому поводу заметил: «Шеклтон являлся разносторонним человеком, деятельность которого не ограничивалась кругом его прямых обязанностей, он принимал активное участие во многих мероприятиях, направленных к развитию английской внешней торговли. Несомненно, у него были свои собственные деловые проекты, в которых он был лично заинтересован. И это вполне естественно: он всегда принимал близко к сердцу интересы всей Британской империи. Понятие Британская империя для него было наполнено реальным содержанием. Она представлялась ему сокровищницей громадной ценности, сохранение и увеличение которой является основной обязанностью каждого англичанина» [7].

С высказываниями Ч. Мейнарда можно было бы и не согласиться, если бы они не находили свое подтверждение в деятельности самого Э.Г. Шеклтона. Так, когда норвежцы первыми достигли Южного полюса, нанеся удар по национальному самолюбию британцев, именно Э.Г. Шеклтон, стремясь вернуть былую славу английскому флагу, организовал третью полярную экспедицию с целью пересечь Антарктиду. А вот другой пример. С началом «интервенции по приглашению» на Кольский Север среди местных дипломатических и коммерческих агентов Антанты развернулось настоящее соревнование за право на получение не только лучших участков под союзные торговые представительства в г. Мурманске, но и выгодных концессий на разработку природных ресурсов края. Как только французские предприниматели первыми через своего посла Ж. Нуланса инициировали переговоры с местными властями о сдаче им Кольского полуострова в аренду на продолжительный срок с целью эксплуатации его природных богатств, в ответ (30.01.1919 г.) известный нам британский подданный Э.Г. Шеклтон, позиционирующий себя в качестве представителя «чистой науки» и лоббирующий интересы крупного английского капитала, выдвинул обширнейший концессионный проект, состоявщий из 12 пунктов и предусматривавший передачу Английскому деловому обществу (с капиталом 1-2 млн. фунтов стерлингов) на 99 лет в эксплуатацию уже не только Александровского, но и Кемского районов северной России.

Э.Г. Шеклтон испрашивал от правительства Северной области концессию на нижеследующее:

А) право исследования территории не менее чем на 5 лет (с ежегодными вложениями на изыскания не менее 25 тыс. фунтов стерлингов;

Б) право на использование природных ресурсов (разработка месторождений полезных ископаемых (каждой заявленной горной площади, как открытой обществом, так и не занятой ко времени их заявки), ведение рыбной ловли в озерах, участие в развитии морских рыбных промыслов, эксплуатация лесных богатств (лесные расчистки), а также водопадов или порогов);

В) право на развитие (путем договора (концессии), аренды, покупки) собственной производственной и транспортной инфраструктуры:

- аренда некоторого числа участков гор. Мурманска, площадь в центральной части делового района гор. Мурманска размерами для постройки конторы и пр., часть побережья не менее 800 метров длиною и 150 метров глубиною для доков и складов;

- приобретение железной дороги Мурманск - Сорока (Беломорск) (по минимальной правительственной цене), лесопильных заводов, создание транспортной сети для эксплуатации ресурсов (дороги, коммерческие порты, лесные сплавы);

Г) переустройство (путем денежного взноса) Александровской биологической станции, чрезвычайно важной для рыбного промысла [1].

Эта сделка так и не состоялась из-за вмешательства французского поверенного в Архангельске Гияра, заявившего, что Франция не может признать этой концессии. К тому же само Временное правительство Северной области крайне осторожно реагировало на иностранные коммерческие предложения. Так, по данным Л.Г. Новиковой, оно отказалось признавать справки о концессиях, выданные Ермоловым, и объявило себя не вправе утверждать монопольные договоры с иностранными государствами. Допускавшиеся же частные соглашения не давали каких-либо преференций ни одной из действующих на региональном рынке коммерческих компаний [9].

В этом легко убедиться, обратившись к опубликованным документам из переписки Э.Г. Шеклтона с генерал-губернатором Северной области Е.К. Миллером. В них речь идет уже не о концессионной инициативе, а о новом, более скромном коммерческом проекте, а именно, о возможности создания в Мурманском крае Британского экспортно-импортного общества. Препятствием к его созданию, по мнению Шеклтона, могло бы послужить несоблюдение на местном рынке правил честной конкуренции. Ответ правительства Северной области последовал незамедлительно. Приведем отдельные выдержки из первоисточника:

П. 2. Вашему обществу будут даны все допустимые облегчения для выгрузки товаров, постройки складов и розничных лавок во всех пунктах указанного района, которые будут экономически доступны операциям общества.

П. 5. Правительство будет одинаково соблюдать беспристрастие к вопросам о ввозных пошлинах, тарифах, налогах, сборах и т.п. в отношении к Вашему обществу по сравнению с другими иностранными обществами.

П. 6. Ваше общество будет ограждено Правительством от возможного привилегированного положения другого общества, преследующего одинаковые задачи, которое с целью создания более благоприятного отношения к нему действовало бы под видом русского общества, хотя в отношении финансирования и управления оно фактически явится обществом иностранным [3].

Таким образом, уже к концу февраля 1919 г. между сторонами были согласованы «все необходимые по русским законам формальности для допущения Британского торгового общества к действию в России». В течение шести месяцев обществу, директором-распорядителем которой в России намеревался стать Э.Г. Шеклтон, предлагалось открыть продажи в Александровском и Кемском уездах, в противном случае заявление ВПСО (Временного Правительства Северной области) от 25.02.1919 г. теряло свою юридическую силу [3].

Из имеющегося в нашем распоряжении так называемого эпистолярного наследия Шеклтона его последнее письмо к Миллеру датируется 7 июня 1919 г. По данным коммерческого агента к этому времени уже была образована предполагаемая компания на

одобренных Миллером основаниях, правда, к своей деятельности в России она так еще и не приступила. По словам Э.Г. Шеклтона, «товары и предметы первой необходимости будут посланы (в Северную область) очень скоро», и что он отправляется в Мурманск, везя с собою необходимых экспертов по всем отраслям дела. Определяя главную цель компании, Шеклтон не скрывал своих истинных намерений: «облегчение существующих нужд и в дальнейшем – развитие британских интересов...» [3]. Кстати, читая мемуары белых генералов, убеждаешься в том, что англосаксы не столько помогали белогвардейцам, сколько делали в России свой бизнес. Причем торговля, как правило, шла далеко не обоюдовыгодная.

Э.Г. Шеклтон был уверен, что «имеет дело с исполнительной частью того русского правительства, которое со временем будет править Россией и что акты и договоры Северно-Русского Правительства будут признаны нерушимыми обязательствами» [1]. Известно, что история распорядилась иначе: уже осенью 1919 г. интервенты были вынуждены покинуть русский Север, а в начале 1920 г. пала и Северная область. Что стало с Британским экспортно-импортным обществом (так и оставшимся на бумаге или реально просуществовавшим каких-нибудь несколько месяцев?!), нетрудно догадаться.

В свете сказанного трудно не согласиться с «поэтическим» резюме Н.Я. Болотникова – советского биографа Э.Г. Шеклтона – о коммерческой деятельности известного полярного исследователя на Севере России: «Многое удавалось Шеклтону, из многих невероятно трудных положений выходил он победителем, но здесь, на Русском Севере, он потерпел неудачу. Шелктону не помогли ни его «счастливая звезда», ни организаторский талант, ни сила воли» [2]. Что же касается вывода упомянутого советского публициста о том, что «Мурман был продан, и этот эпизод, пожалуй, самый мрачный из всей истории интервенции в России» [2], то он представляется нам малоубедительным.

Безусловно, обвинения союзников в попытках разграбить край имели под собой определенные основания. Так, союзное командование нередко распоряжалось материальными ценностями и ресурсами области без оглядки на русские власти. Например, в работе К.Д. Егорова приводится (правда, без ссылки на первоисточник) следующий факт: «Наглость Шеклтона не имела границ. Он, например, лицемерно заявлял о готовности помочь Мурманской биологической станции, но по его же предложению в Англию были вывезены богатейшие коллекции этой станции. Когда сотрудники станции обратились к Шеклтону с законным протестом, он беззастенчиво заявил: «России нет на Кольском полуострове, и больше там не будет» [6]. Отсюда, остается открытым вопрос о роли Шеклтона в продвижении британских интересов на Севере России (причем, речь идет не столько о не реализованных Эрнстом Генри идеях, планах и проектах, предложенных им самим или санкционированных «сверху», сколько о конкретных результатах его практической деятельности). По-видимому тот, кто приблизится к ответу на него, поймет глубинный смысл фразы, взятой из его биографии: «за участие в русских событиях Э.Г. Шеклтон был возведен в достоинство офицера Ордена Британской империи».

Некоторые итоги

1. Военная миссия Э.Г. Шеклтона на Мурман в 1918-1919 годах требует тщательной интерпретации.

2. Оценивая коммерческую деятельность Э.Г. Шеклтона на русском Севере, надо понимать, что он действовал здесь, прежде всего, в национальных интересах крупнейшей на тот момент империи мира Великобритании. Тем не менее, несмотря на амбициозность концессионных проектов коммерческих агентов Антанты, экономическая колонизация Севера союзниками была едва ли возможна.

3. Мурманский период в жизни Э.Г. Шеклтона по-прежнему продолжает оставаться одной из самых загадочных страниц в его биографии. Мы можем только надеяться, что это положение вещей изменится в будущем.

Список источников и литературы

1. Англичане на Севере (1918-1919 гг.) / Сост. И.И. Минц // Красный архив. 1926. Т. 6 (19). С. 50-53.

2. Болотников Н.Я. Эрнст Генри Шеклтон (биографический очерк). URL: http://antarctic.su/books/item/f00/s00/z0000051/st042.shtml.

3. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане. Сборник документов и материалов / Ред. А.С. Мошкин. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1960. С. 242-248.

4. Воспоминания участника интервенции сержанта Джона Келли. URL: http://australiarussia.com/Kelly.htm.

5. Гефтер А.А. Северные воспоминания // Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев. Мурманск: Кн. изд-во, 2006. С. 193-194.

6. Егоров К.Д. За Русский Север. Из истории освоения Русского Севера и борьбы с иноземными агрессорами за северные морские пути. Мурманск: Книжная редакция "Полярной правды", 1957. С. 83-84.

7. См.: Мейнард Ч. Соч. The Murmansk venture. London, 1928.

8. См.: Милль Х.Р. Соч.: The Life of Sir Ernest Shackleton. 1923.

9. См.: Новикова Л.Г. Провинциальная "контрреволюция" (Белое движение и Гражданская война на русском Севере). М.: Новое литературное обозрение. 2011.

10. Шеклтон Э.Г. В сердце Антарктики. М.: Paulsen, 2014. С. 6.

Чепурин Николай Николаевич - хранитель фондов муниципального бюджетного учреждения культуры «Историко-краеведческий музей г. Кировска»

Роль личности С.М. Кирова в промышленном освоении Севера

Сергей Миронович Киров (настоящая фамилия Костриков) (15 (27) марта 1886 года, г. Уржум, Вятская губерния – 1 декабря 1934 года, г. Ленинград) – российский революционер, советский государственный и политический деятель.

А.И. Бастрыкин и О.Ф. Громцева в своей книге «Идеальное преступление века, или Крах уголовного дела» так описывают Кирова: «Киров слыл умелым оратором, но перед выступлением всегда испытывал волнение. Оно отпускало его, когда он поднимался на трибуну, видел глаза внимательно слушающих его людей, и со стороны казалось, что докладчик говорит экспромтом, так легко и непринужденно беседовал он с залом, убеждал, доказывал, раскрывал перспективы. Только люди, непосредственно работавшие с ним, знали, насколько тщательно готовил он свои речи, какую уйму цифрового и фактического материала требовал от подчиненных, с каким количеством специалистов встречался».

Киров мечтал стать инженером, но стал партработником с широкими полномочиями. Тем не менее, тяга к образованию, к наукам, к созиданию стала страстью всей его жизни. Только отступала война или заканчивалась схватка с очередной оппозицией, на любых участках работы он целиком погружался в хозяйственную деятельность.

Так было в пору его секретарства в ЦК Азербайджана, когда он занимался восстановлением, техническим перевооружением, освоением новых площадей Бакинской нефтяной промышленности. Так было и в Ленинграде, где за 9 лет он сделал столько, сколько другому невозможно было бы осилить за целую жизнь.

Но главное свое предназначение Киров видел в революционном переустройстве страны: «…Нам предстоит построить мост к свободе, по которому пойдет вся Россия», – писал он в одной из ранних своих статей.

Строительство этого «моста» осуществлялось самым что ни на есть революционным образом.

Весной 1919 года Астрахань оставалась последней преградой на пути соединения войск Колчака, двигавшихся с северо-востока, и частей Деникина, наступавших с юго-запада. Падение Астрахани грозило катастрофическими последствиями для Южного фронта. В начале марта в городе, охваченном голодом, вспыхнуло восстание. Красноармейцы 45-го пехотного полка отказались участвовать в подавлении мятежа. Они присоединились к мятежникам, сообща разгромили горком партии, убили несколько его сотрудников.

С 25 февраля 1919 года Киров стал председателем временного революционного комитета в Астрахани и возглавил подавление контрреволюционного мятежа. В итоге отряды ЧК и верные войсковые части взяли восставших в кольцо и подавили бунт.

Рассуждать о том, насколько оправдана была жестокость, с которой это было сделано в условиях осады, смысла нет. В гражданской войне правых не бывает.

Относительно мирная жизнь после завершения гражданской войны мало что изменила в психологии молодого руководителя-партийца. Целесообразность по-прежнему для него определялась словом «надо». Он вживался в командный стиль, как вжился в военную форму, с которой не расставался до конца жизни.

Годы «военного коммунизма», будни председателя ревкома, фронтовой азарт, помноженный на высокие полномочия, – все это серьезно повлияло на характер и мировоззрение С.М. Кирова. Далеко в молодости осталась его статья «Он не умер», написанная им в связи с кончиной Л.Н. Толстого, где С.М. Киров ставил писателю в заслугу то, что тот «всех прощал, в его сердце не было места для зла, на зло отвечал добром…»

Теперь же Киров с восторгом окунался в революционную борьбу: «… Только вернулся с фронта… и через несколько часов опять еду – на этот раз под Ставрополь, который должны взять на днях… Вы в Москве не чувствуете, а на арене борьбы – великолепно».

Сталин, знавший Кирова по газетным публикация ещё до революции, в годы Гражданской войны познакомился с ним ближе и узнал его лучше. Но подлинное уважение Сталина он завоевал тем, что научился дипломатично остужать горцев в их клановых распрях, в связи с чем Иосиф Джугашвили даже назвал его «русским знатоком национальных сложностей по Кавказу».

Работа Кирова в Баку укрепила хорошее впечатление Сталина о нем. Когда умер В.И. Ленин, секретарь ЦК КП(б) Азербайджана решительно встал на сторону Сталина.

Именно такой человек как Киров, – решительный партиец, большевик не из ленинского «пломбированного вагона» (окружения), и потребовался Сталину в Ленинграде, где «свила гнездо» троцкистско-зиновьевская оппозиция.

Нет необходимости перечислять действительные победы Ленинграда в становлении науки, промышленности, развитии сельского хозяйства – о них писалось много и справедливо. Но методы, которыми пользовался С.М. Киров сам и которым попустительствовал для скорейшего достижения поставленных целей, не выделяют его ничем из среды партийных руководителей той эпохи.

На всех этапах своей деятельности, реализуя сталинскую политику то рьяно, то нехотя, вынужденно, переступая через себя, он наряду с другими партийными руководителями такого же ранга, оставлял за своей спиной сотни и тысячи обиженных людей.

К примеру, положение с жильем в Ленинграде было крайне сложным. После революции дома не строились, а население непрестанно увеличивалось за счет приезжих: крестьяне из голодающих деревень тянулись в город в надежде на заработки и продуктовые карточки. Жилищную проблему Киров решил по-большевистски: отобрал и распределил.

Возможности ещё раз «уплотнить бывших эксплуататоров» уже не было. Их и до него так часто «прижимали к ногтю», что подселять новых жильцов к ним попросту было некуда.

Но в одном Сергей Миронович оставался неизменным. Не будучи сторонником применения суровых политических репрессий к инакомыслящим, он вынужден был поддерживать политику классовой борьбы на пути построения социализма.

В 1932 году началось строительство Беломорско-Балтийского канала, призванного улучшить сообщение с Заполярьем. С.М. Киров был в курсе всех дел, связанных с этим огромным строительством. Дважды он лично был там.

Строительство велось в основном заключёнными ГУЛАГа.

Советский военный корреспондент, прозаик, поэт Константин Симонов так написал об этой стройке: «И строительство Беломорканала, и строительства канала Москва – Волга, начавшееся сразу после окончания первого строительства, были тогда в общем, и в моем тоже, восприятии не только строительством, но и гуманною школою перековки людей из плохих в хороших, из уголовников в строителей пятилеток… Старые грехи прощались, за трудовые подвиги сокращали сроки и досрочно освобождали, и даже в иных случаях

недавних заключенных награждали орденами. Таков был общий настрой происходящего, так это подавалось».

Общая численность задействованных на строительстве заключенных не превышала 126 тысяч человек, но это были не одни и те же люди. Они постоянно менялись из-за большой смертности. Всего за все время строительства канала отправлено сюда было более 250 тысяч человек, из которых погибли 12 800 человек.

Историк Николай Ефимов, говоря о строительстве Беломорско-Балтийского канала, так описывает роль С.М. Кирова в этом: «Нельзя забывать, что в ведении Кирова, заправлявшего на северо-западе СССР, находился могильно-мрачный Беломорлаг, что на строительстве Беломорско – Балтийского канала трудились сотни тысяч заключённых – советских рабов, подневольным трудом которых фактически без каких-либо механизмов, лишь с помощью кирок и тачек, в труднейших природных условиях за 20 месяцев был пробит канал протяжённостью свыше 200 километров. Киров, говоря об этом канале, забыл хотя бы словом обмолвиться о роли в сооружении канала многих тысяч несчастных невольников, лишённых свободы сталинским режимом».

Летом 1933 года Беломорско – Балтийский канал посетили И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов. Их сопровождал С.М. Киров. Они совершили прогулку на катере по новому рукотворному водному пути. По свидетельствам очевидцев, Сталин сказал, что канал получился мелкий и узкий, а также охарактеризовал его как бессмысленный и никому не нужный (глубина канала в то время составляла всего 3,65 м).

Однако создание мощного транспортного пути, с расположением на нем комплекса сложных гидротехнических сооружений (шлюзов, плотин, водоспусков, дамб и искусственных каналов), обеспечило установление непосредственной водной связи между Балтийским морем и советским Севером и дало возможность немедленно приступить к широкой эксплуатации лесных, минерально-рудных, рыбных и прочих природных богатств этого края. Началось быстрое развитие города Мурманска, где развернулось жилищно-коммунальное и промышленное строительство, стал быстро расти флот. А к идее промышленного освоения Севера С.М. Киров всегда относился с огромным энтузиазмом.

«То, что вчера казалось совершенно непробудным, – говорил Киров, – куда, как говорили, «Макар телят не гонял», куда в царское время только в ссылку людей ссылали, – теперь там волей большевиков, на базе природных богатств, в полутундре, куда до сих пор нога человека не ступала, создан новый, быстро растущий индустриальный центр Заполярного круга».

Считается, что первым, кто приобщил С.М. Кирова к тайнам Хибин, был А.Е. Ферсман. Не будет преувеличением сказать, что взявшись за это дело, Сергей Миронович не выпускал его из своих рук. Он беседовал с учеными, созывал совещания, направлял на Кольский полуостров опытных партийных и хозяйственных работников. «Надо посмотреть недра этой земли, чтобы установить всё, что в ней содержится… Я думаю, что все наши просвещенные организации, начиная с Академии наук, и все практические работники должны последовать примеру Ломоносова и действительно глазами и руками пощупать все, что имеется в этом богатом и обширном крае».

Проблема освоения северного края встала особенно остро в связи с нехваткой сырья для ленинградской промышленности. Однако существовало мнение, что использовать богатство Заполярья невозможно из-за отсутствия дорог и сурового климата. Сергей Миронович Киров решительно отверг подобную точку зрения. «Нет такого места на земле, – сказал он, – которое нельзя было бы поставить на службу социализму».

Интенсивная работа геологоразведчиков дала результаты: были открыты залежи меди, никеля, молибдена, магния, пирротина, слюды и других редких минералов. Но главным богатством Кольского полуострова все же оставалось месторождение апатита – «камня плодородия» – у подножья горы Кукисвумчорр.

13 ноября 1929 г. был создан трест «Апатит», а уже в конце декабря того же года в «край непуганых птиц» выехал С.М. Киров. В маленьком, затерянном среди гор бараке он провел ставшее историческим совещание с научными работниками, на котором были определены перспективы развития апатитовой промышленности.

«И вот, – писал В.И. Кондриков, – во мраке полярной ночи, в снежную метель мы прибыли в Хибины, тогда связанные лишь узкой дорожкой с занесенной снегом станцией «Апатиты», представлявшей собой пять полуразрушенных вагонов.

Весь же поселок в то время состоял из двух дощатых бараков, в которых жила небольшая группа разведчиков-геологов. К баракам добрались усталые и прозябшие.

В тот же день совещание. Из докладов было ясно, что трудиться есть над чем. Разведано уже достаточное количество апатита. Но чтобы поднять к жизни Хибинский край, нужно было огромное количество энергии и средств»[1].

При личной и постоянной помощи С.М. Кирова завязываются узлы освоения севера. Строится Нивская ГЭС, начата постройка ещё более северной Туломской ГЭС, строятся дороги – железные и автомобильные.

По инициативе Сергея Мироновича 6 августа 1931 г. при облисполкоме был организован Карело-Мурманский комитет, специально занимавшийся вопросами изучения недр, технологиями добычи полезных ископаемых и форсированного развития производительных сил. На пленумы комитета приглашались геологи, металлурги, строители[2].

Комитет также решал вопросы о перспективах развития хозяйства и культуры Мурманского округа и освоениия богатств Кольского полуострова; планировал геологоразведочные работы на Кольском полуострове (1932 - 1934 гг.) и реконструкцию нового строительства Мурманской железной дороги (1932 г.).

Когда летом 1932 года С.М. Киров вновь посетил Хибины, у подножья горы Кукисвумчорр уже раскинулся город Хибиногорск.

Г. Гербер, заместитель управляющего трестом «Апатит», вспоминал, что С.М. Киров внимательно осмотрел рудник, интересовался всеми вопросами, даже узкотехническими, давал деловые замечания, как исправить или улучшить тот или иной участок производства…

Уже уезжая с рудника, Киров спросил:

- А где первые дома, в которых я был в 1929 году?

Гербер указал на прилепившиеся на горушке четыре дощатых домика.

Киров долго всматривался в них, потом снова оглядел поселок и наконец, сказал:

- Ну, если бы меня спросили, был ли я здесь, я бы ответил: «Не был». Сильно вырос поселок, не узнать.

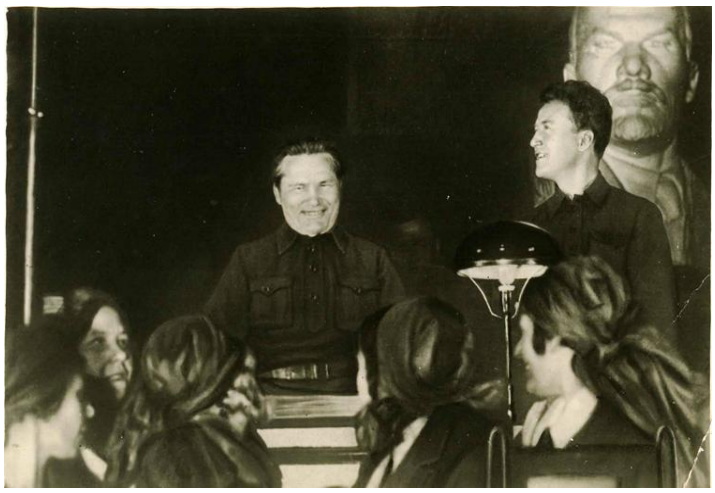
Растущие потребности населения будущего промышленного центра в Хибинах послужили основанием для И. Г. Эйхфельда поставить вопрос об организации совхоза в районе станции Апатиты. Поддержка партийных и советских органов и лично С. М. Кирова помогла преодолеть сопротивление некоторых специалистов и скептиков, которые доказывали экономическую нецелесообразность и невозможность развития земледелия за Полярным кругом.

В 1932 году С.М. Киров побывал в совхозе «Индустрия». Сергей Миронович осмотрел скотные дворы, парники, теплицы и освоенный участок в районе Тик-губы озера Имандры. Закончив осмотр, Киров отметил, что работа в совхозе находится на правильном пути, что надо здесь смелее и шире развивать сельское хозяйство.

---

[1][Товарищ Киров/ под редакцией Топор В., Нечепуренко Р., Менджерицкая Э., Рогинский Г. –Москва: «Профиздат», 1935. – 440 с.]

[2][Рассказы о Кирове/ пол редакцией Виноградов Л.К., Гребенников Г.И. – Москва: издательство «Детская литература», 1976. – 256 с.]



Сергей Миронович Киров слыл обаятельным человеком и умелым оратором

Сергей Миронович Киров на апатитовом руднике в Хибиногорске 8 июня 1932 г.

В день трехлетия деятельности совхоза 23 октября 1933 года С.М. Киров прислал телеграмму следующего содержания: «Благодаря большевистской настойчивости и упорству в борьбе против оппортунистов маловеров, на нашем далеком Севере за Полярным кругом создано крупное, животноводческое хозяйство, растет собственная база горно-химического комбината. Областной комитет уверен, что оживляя заполярное земельное пространство, внедряя не произраставшие там прежде культуры, работники совхоза «Индустрия» добьются еще больших успехов. Совхоз «Индустрия» станет мощной опорной базой северного земледелия».

Впоследствии И.Г. Эйхфельд писал, что заполярное сельское хозяйство своим существованием обязано не сколько ему, сколько С.М. Кирову.

В тоже время, не смотря на всю противоречивость С.М. Кирова как политика, у него не отнять обаяния. И любили его искренне.

Вот что вспоминает о Сергее Мироновиче старший подрывник отдела труда рудника им. С.М. Кирова Петров Павел Иванович: «… Я узнал, что к нам приехал товарищ Киров. Я побежал поделиться этой радостью с рабочими, но они, узнав, что приехал товарищ Киров, не расходились и стояли, <…> ожидая выхода товарища Кирова. Каждому хотелось повидать его. Спустя некоторое время товарищ Киров и сопровождающие его лица вышли, одетые к отъезду. Никогда не забыть мне этот радостный вечер. Товарищ Киров был одет в тулуп и шапку, на лице играла улыбка, когда он подошел и поздоровался с нами. Товарищ Киров спросил нас, как идут дела, мы ответили, что дела идут хорошо. Рабочие стали просить товарища Кирова пройти с <…> ними. Товарищ Киров охотно согласился. Но сопровождающие его лица стали отговаривать, что уже поздно и надо ехать, но товарищ Киров, сбросив тулуп, пошел осматривать общежития рабочих. Осмотрев оба барака, товарищ Киров сказал: «Живете вы сейчас неважно, но это недолго, скоро будете жить в лучших условиях». И действительно, вскоре после отъезда товарища Кирова началось жилищное строительство стандартных домов…»

Общая любовь и уважение к С.М. Кирову среди жителей Хибиногорска были столь велики, что в преддверии празднования пятилетия города, его приглашали снова приехать. Но до предстоящих празднований он не дожил. 1 декабря 1934 г. Киров был убит выстрелом в затылок возле своего рабочего кабинета в Смольном.

Алмазова Александра Вадимовна – ведущий архивист государственного архива Мурманской области, г. Мурманск

Василий Кондратьевич Алымов. Штрихи к портрету краеведа. (По документам Государственного архива Мурманской области)

Людей, живущих в Мурманске с самого его основания, всего несколько:
Алымов, Дроздов, Камшилов. Их знает весь город.
Это ходячие энциклопедии города и всего Мурманского края.
Паустовский К.Г.

Василий Кондратьевич Алымов – известный краевед, этнограф и автор многих статей о саамах Кольского полуострова, к исследованиям которого многие историки и краеведы обращаются и сегодня.

Василий Кондратьевич Алымов родился 4 апреля 1883 года в Новгородской губернии, в деревне Ручьи. С 1895 года он работал гравером, журналистом, корректором на предприятиях Санкт-Петербурга, с 1911 по 1916 годы работал техником на изыскательских и геодезических работах, в том числе на строительстве железной дороги в Персии, с 1916 года служил в пехотном полку, с 1917 года работал техником по орошению в Бухаре, был санитаром пехотного батальона Красносельского госпиталя Красной армии с 1918 года, работал техником-изыскателем на железной дороге в Запорожье с 1921 года.

С 1922 года, приехав в Мурманск, работал преподавателем в школе, следователем по особо важным делам в губернском суде, заведующим статистическим бюро окрисполкома. С 1923 года работал секретарем губернского экономического совещания. С 1924 года Василий Кондратьевич был выдвинут на должность председателя плановой комиссии Мурманского губисполкома, занимал должности председателя Мурманского отделения Комитета содействия народностям северных окраин при окрисполкоме, в 1926 году был одним из организаторов и участников Общества изучения Мурманского края. С 1930 года Василий Кондратьевич занимал должность старшего экономиста окружной плановой комиссии и являлся уполномоченным Комитета Севера при ВЦИК, с 1936 по 1938 года работал директором Мурманского областного

краеведческого музея. 27 февраля 1938 года был арестован по обвинению в «саамском заговоре» и расстрелян 22 октября 1938 года в Левашевской пустоши под Ленинградом.

Документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Мурманской области, отражают разные стороны жизни В.К. Алымова.

Так, в фонде Мурманского губисполкома хранится его личное дело, в котором имеется подробная автобиография Василия Кондратьевича. Благодаря ей нам известны факты из жизни краеведа и его семьи до переезда в Мурманск.

В фонде Мурманской губернской прокуратуры хранятся дела, которые В.К. Алымов вел, будучи следователем, в том числе и «следственное дело 1922-1923 гг. по обвинению капитана английского траулера «Святой Губерт» Лейтона в незаконном производстве рыбной ловли в территориальных водах РСФСР». В ходе следствия, которое получило международный резонанс, Василий Кондратьевич проявил блестящие аналитические качества и, благодаря его тщательно отработанному предварительному следствию, дело было выиграно, международный скандал был завершен в пользу Советского правительства.

О работе В.К. Алымова в краеведческом музее рассказывают документы фонда Мурманского областного краеведческого музея. Прихода Василия Кондратьевича туда на должность директора с нетерпением ждали. Это видно из отчета директора Мурманского окружного краеведческого музея Г. Степанова: «*Только теперь после приезда профессора Зеленко В.А. президиум Мурманского окрисполкома вынес решение об освобождении Алымова В.К. от работы в окрплане и использовании его научным работником в обществе и по совместительству в музее. Решение вынесено 16 февраля, а мы не можем заполучить т. Алымова из-за отсутствия средств».* (Ф. Р-1214, оп. 1, д. 1, л. 30)

Документы (отчеты, служебные записки) фондов Мурманской губернской прокуратуры, Мурманского губисполкома, плановой комиссии Мурманского губисполкома, статистического бюро Мурманского окрисполкома свидетельствуют о том, как трудился Алымов-служащий, помогают сделать выводы о его высоких профессиональных качествах. Благодаря сохранившимся докладам, заметкам, статьям у исследователей есть возможность узнать Алымова-исследователя.

Так, например, интереснейший труд Василия Кондратьевича «Об озерном рыболовстве на Кольском полуострове» 1932 г. любопытен полным перечнем пород рыб, живущих в водах Кольского полуострова с указанием мест их обитания. А его доклад к 10-летнему юбилею Мурманского краеведческого музея, рассказывающий о проблемах учреждения: скудном финансировании, нехватке экспонатов, отсутствии постоянного месторасположении, выражает одновременно и любовь к Северному краю и озабоченность отсутствием возможности передать эту любовь и знания населению.

«Мурманский округ – Кольский полуостров с прилегающей с запада территорией – сам по себе музей, исключительный музей. В этом музее можно знакомиться и изучать древнейшую историю земли - миллиард лет обнажены в его первозданных гнейсогранитах. Но наш богатый, наш исключительно интересный край не имеет своего отражения, сконцентрированного в каком-либо одном месте», - так встревожено писал он в этом докладе.

Стоит отметить, что Василий Кондратьевич Алымов в 1935 году участвовал в создании «Атласа Мурманского округа», который доступен для изучения в научно-справочной библиотеке архива.

Василий Кондратьевич был общительным, оптимистичным, дружелюбным и безотказным в помощи человеком. Несмотря на постоянную занятость, частые разъезды по Кольскому полуострову, большой объем работы, в квартире, где он жил с семьей, в доме на Красной улице всегда были гости, практически не умолкал телефон. Многие хотели посоветоваться, поговорить с авторитетным краеведом, выслушать его мнение по той или иной проблеме, просто пообщаться с интересным, интеллигентным человеком. В.К. Алымов стал своеобразным «справочным бюро», ему звонили совсем незнакомые люди узнать интересующие их сведения, уточнить факты.

Василий Кондратьевич с энтузиазмом помогал в исследованиях другим историкам, так, например, при его содействии в 1927 году состоялась Лопарская этнографическая экспедиция Русского Географического общества.

О чертах личности талантливого и неординарного человека нам свидетельствуют документы личного фонда мурманского краеведа, члена Союза писателей России Владимира Васильевича Сорокажердьева. В фонде собрано множество статей, вырезок из газет и журналов об Алымове. В одной из этих статей приведены воспоминания первого директора Мурманского краеведческого музея М.Н. Михайлова: «*В.К. Алымов легко завоевывал расположение слушателя, а широкая и глубокая осведомленность во многих вопросах развития культуры и народного хозяйства края убеждала каждого в том, что перед ним человек большого живого ума»*.

В научно-справочной библиотеке архива хранятся подшивки газеты «Полярная Правда», в которых печатались статьи Василия Кондратьевича Алымова об истории Мурмана, коренных жителях Кольского края. Василий Кондратьевич изучал язык, уклад жизни саамов, их обычаи, собирал их легенды, сказки, издавал сборники, способствовал созданию саамской письменности, участвовал в разработке и издании саамского букваря. Он был очарован этим народом настолько, что занимался исследованием его все годы жизни в Мурманске. Но именно эта любовь к коренному населению Кольского Севера стала для него роковой.

В 1938 году машина репрессий «докатилась» до отдаленных саамских поселений. По обвинениям в антисоветской деятельности арестовали более ста человек в Ловозере, было сфабриковано дело о так называемом «саамском заговоре», 34 человека обвинили сначала во вредительстве, затем в повстанческой деятельности, «подрыве советских устоев», шпионаже и стремлении присоединиться к Финляндии. Василия Кондратьевича Алымова арестовали как участника «контрреволюционной финской националистической организации на Кольском полуострове». Громкое сфальсифицированное дело привело к тому, что мурманский краевед был осужден особой тройкой УНКВД по Ленинградской области 27 февраля 1938 года и расстрелян 22 октября 1938 года в Левашевской пустоши под Ленинградом, вместе с ним погибли еще 14 фигурантов «саамского заговора».

Уже с 1939 года стали появляться сомнения насчет правильности вынесенных приговоров, начались проверки документов и допросы сотрудников НКВД, которые вели «саамское дело». Так 29 августа 1939 года Мурманский Обком ВКП(б) привлек к партийной ответственности сотрудника НКВД, причастного к расстрелу В.К. Алымова. Именно в ходе этого разбирательства **впервые** прозвучал вопрос: *«А не липа эта повстанческая организация?»* Но только 4 июля 1957 года Военный трибунал Северного военного округа установил, что Алымов Василий Кондратьевич и другие осужденные по этому делу были арестованы незаконно, дело было сфальсифицировано. Документы о событиях громкого и трагичного для Севера «саамского дела», протоколы допросов сохранились в фонде областного комитета ВКП(б), в личном фонде историка, члена Союза писателей России Владимира Васильевича Сорокажердьева.

Стоит отметить, что во время гонений многие документы Василия Кондратьевича Алымова, собранные им при жизни, а так же часть его исследований были уничтожены. Но даже по сохранившейся части его наследия, по тем документам и материалам, которые имеются в ГАМО, можно судить насколько он был интересный человек и замечательный краевед.

Елизавета Сергеевна Мазуренко – методист экспозиционно-просветительского отдела муниципального бюджетного учреждения культуры «Историко-краеведческий музей г. Кировска»

Евдокия Ивановна Потапова – первая женщина-секретарь Хибиногорского городского совета

Потапова Евдокия Ивановна родилась в 1904 году в городе Риге. В 3-хмесячном возрасте была вывезена матерью в город Ленинград (наст. время - Санкт-Петербург) [1]. Семья состояла из 10 человек. Известно, что 5 детей умерли в младенческом возрасте. Отец был рабочим – слесарем-токарем Обуховского завода (наст. время - завод «Большевик»). Являлся участником обуховской обороны 1901 г. и революции 1905 г.

Семья Потаповых. 1 – Мария Ивановна Потапова (1906 г.р.), 2- Алексей Иванович (старший брат, 1888 г.р.), 3 - Матрена Васильевна (жена Алексея Ивановича, 1888 г.р.), 4-Василий Иванович (1897 г.р.), 5 – Константин Иванович (1901 г.р.), 6-Евдокия Ивановна Потапова (1904 г.р.).

Материальные и жилищные условия семьи были тяжелыми. Отец часто отсутствовал, устраивался на работу на короткие сроки. С 7-ми лет Евдокия помогала матери: ходила вместе с ней в прачечную стирать белье рабочих. Из-за полуподвального времяпрепровождения в детстве болела рахитом.

В 1912 году пошла в церковно-приходскую школу, располагавшуюся на станции Обухово, где учился брат Константин, и окончила ее.

В 1915 году семья Потаповых лишилась матери, спустя пять лет, в 1920 году, – отца. В том же году Евдокия начала работать. Первая ее должность –делопроизводитель в Новгородском уездном комиссариате продовольствия.

В 1922 году Евдокия Потапова вступила в ряды ВЛКСМ. Спустя два года Новгородский окружком направил ее на фарфоро-фаянсовую фабрику «Пролетарий», где она начала свою трудовую деятельность библиотекарем, затем стала делопроизводителем ФЗК, в последние два года – с 1926 г. по май 1928 г. – работала делопроизводителем в расценочно-конфликтной комиссии.

Помимо основной работы в ФЗК имела общественные нагрузки: являлась членом ячейки Российского общества Красного Креста (РОККа), председателем комиссии по труду и образцовой рабочей молодежи, была делегаткой, всегда присутствовала на заседаниях бюро ячейки, закрытых партийных собраниях, в связи с этим самостоятельно вела протоколы.
Первый выпуск медицинских сестер запаса. Во втором ряду первая, справа – Е.И. Потапова. 1928 г. [8].

В январе 1925 года ячейка комсомола рекомендовала Е.И. Потапову кандидатом в ряды ВКП(б). За это решение проголосовали единогласно на общем партийном собрании. В члены партии её приняли 8 февраля 1930 года. Кандидатский стаж продлился почти пять лет. В то время Потапова была организатором по подписке на газеты и журналы рабочих по всей фабрике. Такая работа способствовала большой нагрузке на ноги, что не прошло бесследно. По ходатайству партийной ячейки и ФЗК Евдокию Ивановну направили в травматологический институт для оперирования обеих ног (пересечение малой и большой берцовой костей ног).

После операции брат Константин увез Евдокию в Боровичи к сестре Марии, где она находилась с апреля по август 1928 г.

Приехав к старшему брату, поступила работать в Гудовский райком партии в качестве управделами. Позже была утверждена заведующей сектором информации, статистики и учета [9].

1929 год стал тяжелым испытанием для Евдокии Ивановны. В то время в стране одновременно происходила чистка в органах Советской власти, а также отбор по социальному происхождению работников советского аппарата в органы ОГПУ. В марте 1929 года Евдокия Ивановна Потапова на открытом партийном собрании советской ячейки прошла так называемую «чистку».

Гудовский райком ВКП(б) направил ее для работы в полномочное представительство объединенных государств политического управления в Ленинградском военном округе (ПП ОГПУ) в качестве делопроизводителя 2-го информационного отдела секретно-оперативного управления (СОУ)[1].

Работая в органах политического управления, Е.И. Потапова оказалась в Хибинском крае. Сохранились ее воспоминания об этом [2].

«В первых числах июня 1930 года мы были вызваны начальником ППОГПУ в ЛВО т. Медведь. Нас было четверо: Голубев Николай Григорьевич, Монахов Андрей Николаевич, Шек Петр Васильевич и я. Он рассказал нам о том, что за Полярным Кругом, в Хибинской тундре найдено много полезных ископаемых, в том числе неиссякаемое количество апатита, очень нужного нашей стране для сельского хозяйства. По предложению Сергея Мироновича Кирова там уже сейчас надо приступать к развернутой добыче апатита и строительству города. Нужны люди, подбираются коммунисты здесь, в Ленинграде. Ему (т. Медведю) Сергей Миронович поручил подобрать работников из состава Управления для посылки в Хибины. Население города будет состоять, главным образом, из спецпереселенцев, прием которых мы и должны будем там организовать. Одновременно т. Медведь предупредил нас, что климатические и жилищно-бытовые условия будут на первых порах тяжелыми и спросил нас, согласны ли мы поехать хотя бы на год.

Нисколько не колеблясь, мы, все четверо, согласились. А 10 июля нас уже провожали на Московском вокзале товарищи по работе и родные. 12 июля мы приехали на разъезд

Белый (ныне железнодорожная станция Апатиты). Здесь нас встретила грузовая автомашина, погрузились в нее и ехали на 19 км…

Ехали мы несколько часов. Дорога была мощеная, вся в рытвинах и грузовик очень часто останавливался и ремонтировался…

Поселок 19 км состоял из нескольких бараков…

Нам отвели три комнаты для жилья и работы, предоставив в наше распоряжение три стола на козлах, четыре топчана для сна тоже на козлах и четыре табуретки. Снабдили нас матрацами, постельными принадлежностями, фонарями «летучая мышь», керосиновыми лампами со стеклами, но без горелок, поэтому с придачей стеариновых свечей.

Таким образом, в центре будущего города, к уже организованному также в бараках тресту «Апатит» со всеми его управлениями: снабжения, строительному, автогужтранспортному, жилищно-коммунальному и др. организовалось еще одно учреждение, именуемое Хибинским райотделом ОГПУ». [2]

Евдокия Ивановна Потапова действительно работала в подразделении одного из главных надзорных органов страны, однако в Хибиногорске (Кировске), она, прежде всего, известна как первая женщина-секретарь Хибиногорского горсовета.

Первый Совет в Хибинском крае был образован в поселке на 25 километре. Он приступил к работе 7 июля 1930 года во главе с председателем Павлом Григорьевичем Курятниковым. 28 октября 1930 года при Совете была создана избирательная комиссия.

Выборы в городской Совет ссостоялись в декабре 1930 года. Это были странные выборы: избирался городской Совет города, которого формально не существовало (статус города Хибиногорск получил только 30 октября 1931 года), города, в котором большинство жителей не имело права голоса, так как три четверти населения были спецпереселенцы, лишенные гражданских прав. Выборы проходили по той же системе, что и в Кукисвумчоррском поселковом совете: на общих собраниях рабочих.

Е.И. Потапова в рабочем кабинете горсовета. 1931 г.[10]

Первый пленум Хибиногорского городского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и рыбацких депутатов и его исполнительный комитет Мурманского округа Ленинградской области состоялся 16 января 1931 года. В состав горсовета было избрано 85 депутатов. Почетными членами горсовета на этой сессии стали С.М.Киров и А.Е.Ферсман. На первой же сессии были утверждены следующие отделы: организационный (массовый), финансовый, административный, здравоохранения, народного образования, рабоче-крестьянской инспекции.

Об организации секций известно и из воспоминаний Евдокии Ивановны: «Вспоминая начало своей работы в городском Совете, с начала его организации, нужно сказать, что слишком бедно выглядел рабочий аппарат Президиума [3]. Он в составе имел только председателя, секретаря и зав. орготделом (работал только 3 мес.), не было ни инструкторов, ни машинисток, за исключением одного делопроизводителя. А наказ, данный избирателями, требовал от Орготдела организации не менее 8 секций. Трудно пришлось мне: ни инструкций, ни положений я в своем распоряжении не имела, за исключением только одной книжонки «Об организации секций в сельских советах. 1927 г.». Состав членов совета был не изучен, не знала на кого опереться, с кем работать. И хуже еще всего то, что т. Закипный (первый председатель Горсовета) также был новым советским работником, мало знакомым с массовой работой, как и я лично. Проводя организацию той или иной секции, приходилось буквально ходить и искать своих членов по объектам. В результате чего секция

за секцией организационно оформлялись, но не в этом была основная беда, а беда в том, что только организуешь секцию, укрепишь руководящим составом, как этот состав меняет работу, или же совсем выбывает из Хибиногорска, например: из 85 чел. выбранных членов горсовета, к декабрю 1931 г. осталось в Хибиногорске только 32 чел., что заставило городской Совет с разрешения Облисполкома и Окрисполкома провести отчетно-довыборную кампанию. И сейчас, ко дню юбилея, мы в своем составе имеем 153 члена Совета и привлеченных секционеров – 328 ч., 9 секций и 4 депутатских группы на производстве» [3].

Организация работы Хибиногорского городского Совета проходила в чрезвычайно тяжелых условиях. Людей привозили со всех концов Советского Союза. Их селили в палатки, землянки и шалманы, благоустроенного жилого фонда не существовало. Царящая повсюду антисанитарная обстановка усугублялась инертным отношением к этой проблеме самого населения. В результате этого вспыхнули эпидемии брюшного и сыпного тифа.

Заниматься ликвидацией эпидемий пришлось городскому Совету. Главная трудность заключалась в том, что на тот момент в Хибинах не было квалифицированных врачей, а медицинских кадров в Горздравотделе не хватало.

«После напряженной двухмесячной работы вспышка была ликвидирована. Планировалось принять значительную партию рабочих и разместить их в значительно лучших санитарно-гигиенических условиях. И с этих пор Хибиногорск освободился от эпидемических вспышек [3].

В этих тяжелых условиях вырос, окреп наш горздравотдел. В этой работе нам много помог облздравотдел, благодаря хорошо налаженной связи (бывш. в то время Зав. Горздравотделом тов. Яковлевым С.В.).

Невольно вспоминается выступление т. Яковлева на Президиуме и Пленумах Совета, да, кстати, он пользовался всяким случаем, чтобы возбудить внимание организаций города и рабочей общественности к санитарно-гигиеническим условиям жилищ и быта, мы заранее знали его тему: «жилищная теснота», «грязь с уборных», «переполненные выгребные ямы» и т.п. пахучие темы. Справедливость требует отметить, что т. Яковлев здорово въелся в печенки не в меру ретивым хозяйственникам, и благодаря его энергии и настойчивости дело здравоохранения встало на совершенно правильные позиции, позиции советской медицины.

Вторым участком, быстро вставшим на крепкие ноги в работе городского Совета был горфинотдел. Если мы к началу своей работы имели только 240.000 датированного бюджета, то к началу 1932 года мы уже имели свой бюджет, определяющийся в 782.000 руб. В этой части большая настойчивость в сборе всех видов налогов была проявлена быв. зав. гор. отделом т. Шаргалиным.

В 1931 году городской Совет своего жилого фонда не имел. Больше того, он даже не имел своего коммунально-бытового отдела.

Народ прибывал. Количество неохваченных школами детей также росло. Для того, чтобы их охватить школами нужны помещения. Совет их не имеет. Трест все свое внимание уделяет промстроительству. Организованы три школы, которые охватывают учебой 1018 чел. детей. Но и отдел образования в то время представлял из себя только 1 человека, это был педагог Елизавета Павловна Егорова, которая работала зав. гороно по совместительству. Своей самоотверженной и энергичной работой тов. Егорова положила начало организации школьной сети.

С укреплением аппарата гороно во второй половине 1931 г., который возглавлял тов. Васильченко, к новому учебному 1932 г. мы имели уже 7 школ, с охватом 3.990 чел. детей. А сейчас ко дню юбилея имеем 10 школ, и в них обучаются 4.660 чел. детей.

Не забыты при этом были детишки сироты и дошколята: для них городской Совет в первый год своей работы добился организации дома малютки на 35 чел. и детдома тоже на 35 чел., а в летнее время организовывались детские площадки для дошколят.

Нелишне будет вспомнить историю организации дома малютки. Он был организован на 35 человек, а ребят принесли только 8 ч.

Из этого видно, насколько недоверчиво к нам относилось население и здесь пришлось городскому Совету провести большую разъяснительную работу среди населения, ходили по палаткам, землянкам, провели несколько экскурсий в Дом малютки для ознакомления матерей с постановкой там работы и воспитанием детишек, в результате чего дом малютки в 35 чел. стал для нас мал, и мы его расширили на 55 чел. и год за годом увеличивали сеть детучреждений. Ко дню юбилея мы уже имеем, кроме дома малютки, детский дом на 100 чел., 7 деточагов на 615 чел. и 3 детяслей на 270 чел. Но и сейчас этого еще недостаточно. Почти ежедневно в городской Совет приходят по 3-4 матери с просьбами определить их детишек в детучреждения.

На этом участке работы немало трудов положили Екатерина Ивановна Шувалова, ее помощницы сестры-охранницы Зоя Беспалова, Тося Полякова и Таня Черменина. Во второй половине 1931 года с приездом нового председателя т. Луйска К.К. городской Совет организовал свой жилищно-коммунальный отдел, правда, в то время он еще был недостаточно укреплен работниками, а отсюда и работа его была первое время слабая. Сейчас ко дню юбилея наш коммунальный отдел не только занимается вопросами коммунального хозяйства, а сам уже строит жилища».

Партактив Хибиногорского горсовета. 1932 г. [11]

Константина Карловича Луйска Евдокия Ивановна считала своим наставником: «Лично в своей работе действительного первого учителя имела председателя т. Луйск К.К., он научил меня правильно разбираться и решать вопросы совработы. Он внес коренной перелом в работу горсовета по всем его звеньям» [3].

Пять лет Евдокия Ивановна Потапова проработала секретарем президиума Хибиногорского горсовета, а в ноябре 1935 года она получила путевку в Ленинградскую высшую политическую сельскохозяйственную школу [4]. Ряд лет Евдокия Ивановна была на партийной работе в Ленинградском обкоме, а затем в Архангельском горкоме. Осенью 1939 г. она возвратилась в Ленинград и 13 лет работала в областном отделе здравоохранения. Во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. занималась комплектованием кадров эвакогоспиталей и обеспечением их специальным оборудованием, была награждена значком «Отличник здравоохранения», медалью «За трудовую доблесть», «За оборону Ленинграда», ей присвоено звание «Ударник коммунистического труда». Более 20-ти лет Евдокия Ивановна трудилась во Всесоюзном научно-исследовательском институте защиты растений

(ВИЗР). Заведовала канцелярией, затем стала секретарем дирекции. За трудовые заслуги Е.И. Потапова получила персональную пенсию республиканского значения [4].

Встреча ветеранов войны и труда ВИЗР. 30 лет Победы. 6 мая 1975 г. [15].

Работая в Ленинграде, Евдокия Ивановна Потапова не забывала заполярный Хибиногорск (Кировск). Сохранилось ее письмо к товарищу Ломовой [5]. В нем она пишет: «Прошло 29 лет, как я выехала из города, но ни на один день я не забывала Кировска, и даже в суровые годы блокады Ленинграда меня интересовала судьба кировчан.

Ведь мне в 1930 году было всего 26 лет, а сейчас уже 61 год, но я еще тружусь и надеюсь, что в будущий наш праздник буду среди Вас, мои дорогие товарищи.

А сейчас вместе с Вами подвожу итоги пройденного тяжелого и славного 35-летнего пути и искренне радуюсь всем Вашими достижениями, мои дорогие и родные кировчанки. Еще раз большое спасибо за память обо мне и приглашение. Е. Потапова – первый секретарь Президиума Хибиногорского городского Совета и райисполкома рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов – ныне сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института защиты растений, персональный пенсионер республиканского значения. 3 марта 1965 г.».

Литература

1) Автобиография Потаповой Е.И., ноябрь 1978 г.;
2) КП 296 ОДФ 296 – воспоминания Потаповой Е.И. о приезде в Хибинский край;
3) КП 2334 ОДФ 1254 – доклад Потаповой Е.И. о работе Хибиногорского Горсовета. Начало 1930-х гг.;
4) КП 2332 ОДФ 1252 (1) – «Полвека на трудовом посту»/ журнал «Защита растений», № 5-70, с. 13;
5) Письмо Потаповой Е.И. 3 марта 1965г.
6) ОФФ-814
7) ОФФ-816
8) ОФФ-818
9) КП-1460 ОДФ-691(2)
10) ОФФ-317
11) ОФФ-824
12) КП -1464 ОДФ -693
13) КП-1457 ОДФ-689 (2)
14) КП -1462 ОДФ -692 (2)
15) ОФФ-819